

**Рост долгов
за электроэнергию
— результат
системных ошибок
в управлении.**

(С. 7)

**И меня прямо осенило:
я могу сделать фильм
о Гиллане,
не присутствуя
в кадре!**

(С. 36)

ДАГЕСТАН

№1 (148)
ЯНВАРЬ 2018
journaldag.ru

ЦЕРТ

А «БАРУЧЧИ ЛЕЙЖА ИНТЕРПРАЙЗЭС»

(Великобритания)

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ

РОК-ОПЕРЫ

«ИСУС ХРИСТОС – СУПЕРСТАР»

лидер
группы
«Дип пепл»

ЯН ГИЛЛАН

Великобритания

Колонка неглавного редактора

Гуляя по восьмому кругу

О воровстве чиновников писать, да и читать, стало откровенно неинтересно. В нашей родной республике — в особенности. Всё время выходит какой-то производственный роман: «... Следственный комитет принял к производству дело о хищении, произведены выемки документов...». Оказавшиеся — внезапно — недостаточно вертикальными для вертикали губернаторы, министры, мэры и премьеры меняют окружающую их приличную чину обстановку на более серую и казенную. Конвейер продолжает работать, статьи шьются по лекалам УК РФ. Скучно.

Граждане, которые в этой пищевой цепочке находятся в самом низу, привычно рукоплещут и возносят хвалы и молитвы. Но в этом гласе народа всё меньше радости, всё больше исступления: «Сталина на них нет!». Усатый, впрочем, никого не пугает: следующий назначенец — ещё более рискованный отчаюга, бросается уже на голый крючок. Приманки и прикормки, схемы по уводу бюджетных средств и присвоению федеральных, муниципальных и прочих земель — как под копирку. Оттого дичь выходит на охотников след в след по проторенной тропе. Сантабарбарийский сериал напоминает заезженную пластинку: «Наш мэр (любое имя) потерял память, ведь он работал по 18 часов, рафик неуиноуен». В итоге каждому своё: мэру амнезия, избирателю — анестезия.

На ещё не остывшее кресло — бесконечная череда претендентов. Интересно: если над каждым чиновничьим столом красной краской и больши-

ми буквами вывести Дантово «Оставь надежду, всяк сюда входящий», — это кого-нибудь остановит? Едва ли: ни бога, ни чёрта, ни Путина, тысячегазо взирающего на их согбенные в трудах праведных спины со стен кабинетов, эти люди не боятся. Ну, и Дантов всяких не читали, конечно. Иначе бы знали, что шестерни власти — как мельницы богов, что мелют медленно, но тонко.

Восьмой, предпоследний круг ада, куда попадают коррупционеры и взяточники, говорите? Наших не пронять мучением гадами и погружением в зловонные испражнения — они сами большие мастера по этой части. Кто хоть раз честно бегал по кругу с бумажками от энергетиков, газовщиков, пенсионных фондов или органов опеки (несть им числа) — тот знает, на какие неисчислимы каверзы способен наш доморощенный и, на первый взгляд, примитивный чиноврал.

В этом номере Андрей Меламедов и его визави Эседула Ахмедов ищут — и вроде бы находят — пути вверх из долговой ямы, в которой по вине «управленцев» от электричества и газа оказалась республика и мы, её населяющие. Как водится, о повальном воровстве в отраслях — вежливо и интеллигентно. Мы приличное издание, в конце концов...

И да — приятно вспомнить, как верстал газету с Гилланом. Чудом заполучил фото с автографом. Спасибо Тимуру Яшувову — напомнил.

Дмитрий Горбанев

Содержание

- Тамерлан Магомедов*
4 Забыв о боге,
не пытайся им стать
- Андрей Меламедов*
7 Эседула Ахмедов:
«Всё решаемо»
- Наида Хаспулатова*
12 Марьям
и её дети
- Генезис*
16 Сергей Лугуев.
Этика этноса
- Светлана Анохина*
22 Сабир Гейбатов.
Глина для голема
и осколок метеорита
- Влада Бесараб*
28 Уллучара.
Весна близко

Фото в номере: Руслан Алибеков, Анастасия Степанова,
Айдемир Даганов, Фатима Алиева

16+

ДАГЕСТАН

№1(148) январь 2018 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й
этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
135000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

36 Свет далёкой
суперзвезды

Влада Бесараб

56 Страсть к морю

Ахмедхан Зирихгеран

42 То было ещё до войны...

Андрей Петрухин

58 На Харибском
перевале

Гамзат Изудинов

50 Тайная тетрадь

Магомед Бисавалиев

62 Лирика

Мурат Шахтаманов

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии
ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД,
г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Тамерлан Магомедов

ЗАБЫВ О БОГЕ, НЕ ПЫТАЙСЯ ИМ СТАТЬ

Вот вы нас (журнал. — *Ред.*) в первый раз в новом году только в руки взяли, а уже пора готовиться к выборам. Рубашку погладить, пиджачок отряхнуть... Выборы у нас — словно экзамен, куда идём как на праздник. Понимая, что это вовсе не экзамен.

Ведь кого экзаменовать? Обделённую политическим статусом Ксению Анатольевну Собчак? Или переродившегося в коммуниста единоросса-садовода Грудинина?

На предмет чего экзаменовать? На предмет наличия совести? Но кому, собственно, эта совесть нужна? Ну, кто в 1996-м году голосовал за Ельцина ввиду его повышенной совестливости? Протестовали в его лице против «коммуняк»? Да! Против «гебни кровавой»? Естественно. И в марте тоже будем голосовать против. Теперь — преимущественно против «подлого Запада». Потому что мы масса, а масса не способна иначе. Ну не пойти нам против начерченной линии.

Пятиминутки ненависти оруэлловских не помните? Со скрежетом зубов, с выпученными глазами. Вашими зубами и глазами. Отчего это нет? Абстрагируйтесь, высвободите душу, и пусть она, мелким бесом вскарабкавшись на висящий по советской моде на стене ковёр, поглядит на вашу обывательскую тушку со стороны. На собственное вместилище, так сказать, приникшее к телеэкрану, жаждущее заранее машины жечь и погромы устраивать по поводу всяких глупостей наподобие поправок в закон о труде.

Это французы могут, россиянина на мякине не проведёшь, он чётко знает, какими

словами и тембром настоящий патриот должен обляять выступающего на ТВ украинского эксперта. Представляющего собой собирательный образ современного Гольдштейна со всеми, конечно, издержками массового производства.

К сожалению, наличие у населения политического сознания — вовсе не показатель развитости общества и уж тем более государства. Поверьте, оппозиционеры Центральной Африки протестовали гораздо упорней и яростней демонстрантов с Болотной площади, однако смещение каннибала Бокассы не повысило их уровня жизни. Хотя Франция по-прежнему продолжает добывать там свой уран.

Поставки сибирских нефти и газа составляют основу экономики России уже лет пятьдесят и, судя по оставшимся их объёмам, продолжают кормить россиян ещё как минимум столько же. Понятно, что продавать мы их будем не Сирии и даже не Украине. Однако голосовать будем против покупателей. Если рассуждать банально, это всё равно, что обкладывать матом покупателей в собственной булочной. Политика не столь линейна и всегда готова предложить податливому человеческому сознанию удобный изгиб.

Люди везде голосуют против. Американцы голосуют против Саддама Хусейна, французы — против Муамара Каддафи. Россияне — против Обамы. Это нормально. Люди не могут в своих проблемах винить только себя. Виноват во всех бедах в данном случае может быть только подлый слабак, поэтому США успешно побороли Аль-Каиду, а Россия уничтожила запрещённый ею ИГИЛ.

На исторический для нашей державы упрек военного министра Российской империи Алексея Куропаткина о содействии развязыванию русско-японской войны министр внутренних дел Вячеслав Плеве якобы ответил: «Алексей Николаевич, Вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

С 2012 года победоносных войн было уже две. Едва не разрушенный Донбассом триумф в Крыму был прочно зацементирован Владимиром Путиным в Сирии.

И это вновь убеждает, что в 2012 году голосовали всё-таки верно. Альтернативы Владимиру Путину попросту не было. Голосовать за того же Грудина я и сегодня не стану. И дело не в том, что я фанат величия русского оружия, влюблён в президента или просто пишу хвалебную оду. Дело в результате. Слюнявя занесённый над бюллетенем карандаш, важно понимать, что в России сегодня нет альтернативных политических сил, которые можно было бы всерьёз считать таковыми.

Голосовать за клоунов? Не вижу смысла. Ещё важнее осознавать, что смена персоналий не меняет самой сути политической власти. Да, за прошедшую половину столетия телевидение стало цифровым, а телефоны мобильными. Однако суть политической власти не поменялась ни в России, ни в США, ни даже в ЦАР.

Как оказалось, спустя всего пару месяцев пришедший на смену Обаме вполне себе харизматичный Трамп так же гадит в наших подъездах и выламывает асфальт на российских улицах, как и его предшественник, столь нами презираемый. Личность бесильна против системы, и если кто-то всё

ещё убеждён, что Навальный или Немцов смогли бы всё изменить, то напомним про печальный опыт реформаторской деятельности Джона Кеннеди. Образчиков разного рода реформации самих реформаторов история тоже знает немало. Достаточно вспомнить, что общепризнанный кровавый диктатор Сталин пришёл к власти на поприще революционера, а значит априори борца за права. В борьбе за права, конечно, нет ничего дурного, просто надо быть чуточку внимательнее: в подобной борьбе каждый борется только за права свои личные. Даже если они порой совпадают с общими интересами.

Так какой интерес у нас — дагестанцев, в грядущих мартовских выборах, на которые не допустили даже супругу нашего муфтия? Пресловутая стабильность или как там это сейчас называется? Да, отчасти.

Те из нас, кто ещё помнят лихие девяностые, говорят о временах Путина всё-таки с теплотой. Их греет вовремя выплачиваемая зарплата, социальные гарантии, успокаивает ликвидация уличной преступности. Те, кто постарше, порой тоскуют, конечно, по брежневской ливерной по три двадцать, но путинскую стабильность ценят тоже.

Однако есть ведь и те, кто не знает, как жить без Путина. Я и сам не заметил, как выросло новое поколение, пока юный коллега не заметил, что не знает, как было до него. Так, наверное, смотрели бы на первое поколение рождённых при коммунизме. И, действительно, ему только двадцать, откуда ему знать? Дети революции наших дней. Главное, что не апокалипсиса.

Ждут ли эти дети перемен? Думаю, нет. У страны есть лет ещё тридцать до той поры, когда вырастут уже их отпрыски, превратившись в новых битников, хиппи и прочих маргиналов. Возможно, они уже скажут: «хватит, дайте нам чего-нибудь нового».

Сегодня же страна стремительно идёт реакционным курсом, что наблюдается даже на улицах Москвы, где уже почти не встретить цветных ирокезов, кожаных штанов и прочей «цветастости». Даже кремлёвские молодёжные движения выродились

на этом фоне, потому как идейно бороться стало попросту не с кем.

Однако в Дагестане за самовыдвижение Владимира Владимировича взялись рьяно. Даже движение создали: «Дагестан — за Путина». Будто бы Калмыкия против. Да мы все «за». И та же Собчак, которая, даже став Президентом России, не сумеет ею рулить. И это вовсе не сексизм. Речь вновь про личность Владимира Путина.

Да, да, да. Политкорректность, выборное право, конституция. Всё это обязывает говорить о президенте, как о должности, однако ведь все мы всегда говорим о Путине как личности. И это нормальная историческая традиция для России. Ведь у нас всегда так. Екатерина — Великая, а Павлуша — бездарь. Александр — Освободитель, а Николашка — Кровавый.

В России нет собственной политической системы, и вся наша политическая жизнь строится исключительно на том, кто к нам придёт, либо, кого к нам приведут. Будет правитель великим, будет и великий период в истории. Будет Собчак? Ну, переживём, наверное. И не такое переживали, а потому и переживать нет смысла. Думать надо лишь о том, как выстроить систему, при которой великим будет не правитель, а народ. Мысль эта извечно химерична, а также крамольна, но именно величие народа — самоцель здорового государства.

Величие — это не количество пушек на линкоре. Величие народа в сознании человека. Когда он знает, на что имеет право и лично добивается этого. А также знает, что ему не дозволено, и предостерегает от этого окружающих. Знает, к примеру, что детям положено качественное образование и добивается строительства новых школ, но предостерегает окружающих от дачи взятки за устройство отдельно взятого ребенка в переполненное учебное заведение.

Такое общество в состоянии ощутимо влиять на власть, однако пока надеяться приходится лишь на то, что власть сама на себя повлияет. И она это делает. Пускай нутужно и убого. Но делает. Владимир Васильев на встрече с личным составом республиканского МВД недавно обронил ключевую

в этом плане фразу. На его взгляд, в Дагестане отстроена такая система, которая имеет целью не решить тот или иной острый вопрос, а лишь «припудрить» ситуацию.

Я эту фразу услышал с опозданием, но вслед за всеми тоже всплеснул руками. Человек озвучивает правильные мысли. И, возможно, намерен воплощать их в жизнь. Действуя при этом, как Владимир Путин, то есть как опытный чекист: сдержанно, достойно и никогда напрямую. Для меня это стало понятно из результатов недавнего визита в Дагестан российского министра образования. На фоне командировки в республику бригады прокурорских работников под руководством заместителя генерального прокурора Сыдорука слова Владимира Васильева о скорых кадровых перестановках в дагестанском правительстве уже не кажутся просто словами. Сойти с республиканской политической арены, возможно, будут вынуждены даже самые непотопляемые. Но чтобы эти чистки не свелись к формату банальной кампанейщины, на зачищенной почве должна прорасти система.

В Дагестане стало доброй традицией обвинять федеральный центр в непонимании проблем и забот, которые тревожат народы нашей республики. Этот упрёк стал любимым рефреном в выступлениях местных оппозиционеров, не гнушались манипулировать им даже главы республики после публичного разноса в Москве. Однако с приходом Владимира Путина политическая ситуация в Дагестане не была столь плачевна, ведь при нём республика забыла про несменяемых руководителей. Даже устранившего всех Рамазана Абдулатипова отправили с почётом, но всё же — в отставку. И этот фактор должен стать основой системы государственной власти в республике, когда каждый чиновник будет знать, что не просидит в своём кресле вечно, как и его покровители. Чиновник должен знать, что государственная должность — это не частная собственность с правом наследования.

Лишь понимание призрачности бытия не позволяет человеку забыть о боге. Только ощущение ограниченности своей власти не позволяет чиновнику возомнить, что он бог...

Андрей Меламедов

ЭСЕДУЛА АХМЕДОВ: «ВСЁ РЕШАЕМО»

Огромные долги Дагестана за электроэнергию давно уже выросли в серьезнейшую проблему, решить которую оказалось не под силу ни одному руководителю республики. Пытались практически все, но безуспешно — долги продолжали расти.

Дошло до того, что полтора года назад вице-премьер Александр Хлопонин вынужден был заявить, что состояние платежной дисциплины в сфере ЖКХ будет одним из важнейших критериев принятия решений об эффективности властей в регионах Северного Кавказа.

О том, возможно ли в принципе избавиться от этого «электрического проклятия», корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с одним из старейших энергетиков республики Эседулой Ахмедовым, проработавшим в этой отрасли около пятидесяти лет.

— Эседула Исакович, вы один из тех, кто знаком с долговой проблемой не понаслышке — четверть века вы руководили Махачкалинской ТЭЦ, до недавнего времени активно работали в комитете по стро-

ительству и ЖКХ Народного собрания республики. Считаете, тут вообще возможно какое-либо решение?

— Неразрешимых проблем в принципе не существует, было бы желание решать. На мой взгляд, непрекращающийся рост долгов за электроэнергию — это результат системных ошибок в управлении отраслью.

— Вы уверены в термине? Дело в том, что многие эксперты считают, что корень проблемы заключается в элементарном воровстве электроэнергии. Так что если имеют место «ошибки», то эти «ошибки» совершаются вполне сознательно. Помните, как в республике запускали проект по масштабной установке интеллектуальных счётчиков? В пилотных районах внутрисетевые потери практически сразу

же сократились вдвое, достигнув нормативного уровня. Получается, что все эти сверхнормативные потери происходят не из-за ветхости наших сетей — хотя это обстоятельство тоже имеет место быть, а потому, что украденные киловатты надо куда-то списывать.

— Тут я спорить не буду, внутрисетевые потери — очень удобная графа для списания украденных денег. Увы, не единственная. Массовые случаи появления долгов у добросовестных плательщиков — это тоже пример подобного рода. Суды сегодня буквально завалены их исками. Так же, как и исками энергетиков к недобросовестным плательщикам. Тут можно ещё сказать о фактах явного сговора. Посмотрите зимой на сёла, в которых нет газа, — из печных труб там не идёт дым, люди отапливают свои жилища электричеством. Но при этом «зимние» платежи на уровне «летних», а

внутрисетевые потери в некоторых сельских районах доходят до 50%.

Это всё есть, и чуть позже я обязательно остановлюсь на этих фактах. Но сначала мне хотелось бы поговорить о другом. А именно об ошибках в управлении электрохозяйством. Пусть сознательных, но всё же ошибках. Смотрите, мы с вами пришли к выводу, что внутрисетевые потери — это очень удобная графа для списания долгов. А откуда, скажите, эти самые сверхнормативные потери берутся?

— По версии энергетиков, всему виной ветхие сети.

— Хорошо, но тогда я хотел бы получить ответ на такой вопрос: а почему, собственно, эти сети вдруг стали ветхими? Из-за недостаточного финансирования? Не согласен. В стоимости каждого киловатта электроэнергии изначально заложены расходы на содержание и модернизацию сетей. Где эти деньги, на что их тратят?

Идём дальше. Вы, насколько я знаю, пишете об энергетических проблемах уже много лет, начинали ещё при социализме. Можете сказать, чем сегодняшние подходы к содержанию сетей отличаются от того, что мы наблюдали пару десятилетий назад?

— Вот так, навскидку — вряд ли...

— Хорошо, скажу сам. Если раньше рациональной эксплуатации энергооборудования сетевых предприятий уделяли первостепенное внимание, то сегодня этим практически никто не занимается. И это совсем не мелочи, если подсчитать потери от провала этой важнейшей работы. Сегодня сплошь и рядом можно обнаружить два трансформатора, расположенных по соседству, один из которых явно недогружен, а второй работает в условиях сумасшедшей перегрузки. Если проверить напряжение на трёхфазных линиях, сразу же обнаружится, что одна из фаз работает на пределе, тогда как две другие — с явным недогрузом.

Всё это — не только предпосылки для возникновения аварийных ситуаций, число которых с каждым годом растёт, но и сумасшедшая нагрузка на сети. При такой нагрузке внутрисетевые потери, о которых

мы с вами говорим, начинают стремительно расти. Именно это я называю ошибками в управлении, избавившись от которых мы, во-первых, доведём потери до нормативного уровня, а во-вторых, ликвидируем графу, по которой списываются сумасшедшие деньги.

— Вы считаете, что в нынешних условиях это возможно? Когда нормальных специалистов днём с огнём не отыщешь?

— Вполне возможно. К слову, в правительстве Дагестана тоже понимают важность этой задачи и предпринимают меры по её решению. Пару недель назад врио вице-премьера Шамиль Исаев сообщил, что в скором времени в республике планируют провести масштабные учения, для участия в которых в Дагестан приедут более двух ты-

сяч энергетиков из всех регионов России. Их задача состоит в том, чтобы максимально минимизировать потери в сетях, а также проконтролировать ход работ по установке современных приборов учёта. Если грамотно использовать всех этих специалистов, можно добиться серьёзного прорыва. При этом приезжим не надо самим заниматься исправлением обнаруженных недостатков, достаточно составить предметные «дорожные карты» для наших энергетиков.

— Каждый раз, общаясь с вами, я убеждаюсь в том, что у вас имеются рецепты для лечения практически всех энергетических болезней. А самое главное, в итоге оказывается, что все эти рецепты работают. В связи с этим вопрос на засыпку. На днях в мэрии Махачкалы прошло совещание, в ходе которого критиковали энергетиков, не спешащих брать на баланс бесхозные сети в городе. В итоге ни к чему не пришли, поскольку энергетики списали всё на российское законодательство, запрещающее им осуществлять подобные процедуры. И такая ситуация не только в Махачкале. Несколько месяцев назад я брал интервью для журнала «Дагестан» у Шамиля Исаева. Так вот он сказал, что в республике обнаружен 1041 бесхозный трансформатор и почти 2000 километров бесхозных сетей. И как, по-вашему, с этими объектами следует поступить?

— Ещё раз скажу: неразрешимых проблем не существует в принципе, была бы воля. Я сейчас вам один пример из своей практики приведу. В 2008 году я работал управляющим директором Махачкалинской ТЭЦ и из-за ветхих тепловых сетей никак не мог обеспечить нормальное теплоснабжение города. Потери в сетях на тот момент составляли от 300 до 500 кубометров в час. Вкладывать же деньги в ремонт сетей я не мог, поскольку они числились на балансе МУП «Махачкалатеплоэнерго», и меня сразу же обвинили бы в нецелевом расходовании средств.

В итоге я обратился к руководству Махачкалы с предложением продать городские сети Махачкалинской ТЭЦ. Предложение

моё приняли, но оказалось, что продать сети город не может, — примерно половина их оказалась бесхозными и ни на чьём балансе не числилась. В общем, ситуация, на первый взгляд, сложилась абсолютно тупиковая, вроде той, что мы сегодня наблюдаем с электрическими сетями.

— **И как вы выбирались из этого тупика?**

— Очень изящно, считаю. Предложил главе города временно назначить меня руководителем МУП «Махачкалатеплоэнерго». После чего я в спешном порядке начал оформлять бесхозные сети в собственность города, заставив БТИ подготовить сотни технических паспортов на вроде бы ничьи объекты и оборудование. В итоге за очень короткое время все бесхозные сети были приняты на баланс города, оценены и проданы Махачкалинской ТЭЦ. Через три года, вложив в эту программу весьма солидные средства, я смог завершить реконструкцию основных магистральных сетей, снизив потери до нормативных 50–70 кубометров в час.

— **Но закон....**

— Закон запрещает энергетикам брать на баланс бесхозные сети, а вот про муниципалитеты в нём ничего не сказано. Считаю, что по этому пути нам и следует идти — оформлять сети в качестве муниципальной собственности, а затем отдавать их в аренду энергетикам. Помимо всего прочего, это благотворно скажется на бюджете муниципалитетов, поскольку у них появится дополнительный источник дохода. Если энергетика при поддержке муниципалитетов этой проблемой озаботятся, у них всё получится.

— **Подозреваю, энергетика в этом не очень заинтересованы. Из года в год они говорят о низкой платежной дисциплине населения и при этом практически тормозят программу по установке приборов учёта. На реализацию которой, кстати, было выделено несколько миллиардов рублей федеральных денег.**

— Согласен, я сейчас точной статистики по счётчикам не помню, знаю только, что цифры абсолютно провальные.

— **О том же, слово в слово, говорит и Шамиль Исаев, считающий, что программу по счётчикам энергетика завалили. По его данным, сегодня приборами учёта в республике обеспечено всего 56% потребителей электроэнергии — немногим больше половины. Оставшиеся 44%, по его мнению, как раз и являются основной базой для хищений — именно из-за безучётности в республике продолжают расти энергетические долги.**

— А вот тут я бы не стал утверждать столь однозначно. Смотрите, в структуре энергетических долгов республики долги населения составляют лишь пятую часть. Остальное — это внутренние споры бытовой и сетевой компаний, работающих на территории республики. При этом обе эти

компании входят в состав холдинга ПАО «МРСК-СК». Так, может, пора уже руководству холдинга навести порядок в собственном доме? И начать с сетей, о чём я сказал в самом начале нашей беседы. Будут нормальные сети, обеспечивающие подачу качественной электроэнергии, будут и платежи — это всегда связано.

В общем, по моему мнению, бороться надо не только с прямыми хищениями, об этом и без меня вам многие рассказать могут. Надо выстраивать нормальную работу всего комплекса, изживая системные ошибки управления. Я, честно говоря, на досуге разработал «дорожную карту» по всем этим направлениям, сейчас вот пытаюсь добиться её внедрения.

— **Насколько я знаю, в ходе встречи Владимира Васильева с Советом старейшин вы говорили с ним на эту тему.**

— В самых общих чертах. Он, кстати, моей работой заинтересовался и пригласил для отдельной беседы. Мы с ним встретились, и он сразу же дал соответствующие поручения работникам, курирующим эту сферу. Надеюсь, что эта работа пойдёт на пользу республике.

— **Не могу не спросить о газовых долгах. Тем более что основные из них — на совести теплоснабжающих предприятий Махачкалы. А вы в сфере теплоснабжения проработали более сорока лет.**

— Вы правы, сегодня главные «газовые» должники — это ООО «Дагестанэнерго» (бывшая Махачкалинская ТЭЦ), ОАО «Махачкалатеплоэнерго» и МУП «Махачкалатеплосервис», задолжавшие за поставленный газ около 3 млрд рублей. Все три предприятия с учётом сложившихся тарифов и цены на газ — планомерно убыточные, никаких перспектив рассчитаться с долгами у них нет. Ситуация абсолютно безысходная. Если ничего не предпринимать, она будет только ухудшаться.

Единственный выход из создавшейся ситуации видится мне в передаче активов этих предприятий за долги на баланс Межрегионгаза. Такой опыт апробирован в некоторых регионах, где показал свою эффективность. Дело в том, что «внутренняя» цена на газ и его стоимость для «внешнего» покупателя отличаются весьма существенно. С учётом этого после небольшой модернизации все эти предприятия смогут стать прибыльными, а газовый долг Дагестана снизится весьма значительно. Согласитесь, даже небольшая прибыль лучше, чем 500 миллионов убытков в год? Так что для газовиков это тоже выход из тупиковой ситуации, поскольку в противном случае долги эти не будут закрыты никогда. Естественно, этим предметно надо заниматься руководству города, республики — под лежащий камень вода, как известно, не потечёт.

Найда Хаспулатова

МАРЬЯМ И ЕЁ ДЕТИ

Восемь детей Марьям Зайналабидовой ещё совсем недавно жили в детских приютах. Жизнь к этим крошкам оказалась удивительно жестокой с первых же дней — все они родились с нарушениями здоровья. И всех их, — что может быть ещё хуже? — в роддоме бросили родители. Что их ждало?

Сегодня за брошенными, но здоровыми младенцами в Дагестане очередь. Говорят, что усыновить такого обойдётся в сумму от полумиллиона до миллиона рублей. Больные дети никому не нужны. Брошенные родителями, они сначала попадают в детский приют, потом — в интернат для детей с тяжёлой умственной отсталостью «Забота». Все, кто там был хоть раз, никогда не забудут гнетущего впечатления и чувства безнадежности от вида обитателей интерната — мальчиков и девочек, которые не могут нормально ни ходить, ни говорить. В 18 лет их переводят в дом для престарелых и инвалидов, там они и доживают свой век среди стариков, тоже выброшенных на обочину жизни. Но у этих стариков есть хотя бы воспоминания о счастливых днях. А брошенных больных малышей

никто ни разу не обнял, не поцеловал. Нет ни единого человека на свете, который бы их любил.

Марьям решила изменить судьбу этих детей. Теперь у восьми малышей есть дом, братья, сестры, многочисленная родня. И, главное, есть мама, которая любит, заботится, носит на руках, обнимает и целует. Когда мы приехали к ним, нарядные малыши сразу же потянулись навстречу. В большой светлой комнате места хватает и детям, и взрослым. И все постоянно подбегают к маме, — чтобы обняла, сказала доброе слово. Двухлетняя Фатима не слезает с её коленей.

Почему она решила взять чужих больных детей? Марьям объясняет: не должны дети жить без семьи. И в её сердце так много любви и желания заботиться о ком-то, что трое родных детей

не смогли эту нежность исчерпать. Они с дочкой увидели приёмных детей у своей родственницы, начали ей помогать. И вскоре решились взять таких же.

— Такой порыв был... Мы все решили приёмных детей взять: подруги, родственницы, двоюродная и родная сёстры. Я своих детей уже вырастила, но сидеть без дела не могла. Вначале хотела здоровых девочек взять — у нас в тухуме мало девочек, а когда пошли в Дом ребёнка, там здоровых детей практически не было, и Маймусат Насибова взяла двух больных девочек. Мы с дочкой к её девочкам ходили в гости, обнимали их, помогали, и решили тоже взять больных детей. Мой младший сын сначала был против, но я своим детям сказала: «Вы никогда ни в чём не нуждались, давайте сделаем так, чтобы и они ни в чём не нуждались, — дадим им дом, семью».

Всё оказалось гораздо сложнее, чем мы думали. Мы прошли школу приёмных родителей, и поехали в Республиканский дом ребёнка в Махачкале, выбрали детей. Тяжело было их забирать, было какое-то непонятное сопротивление директора Дома ребёнка Патимат Абдурашидовой. Идём смотреть ребёнка, а врачи говорят: «Нельзя брать, слишком тяжёлый». На нас даже написали, что мы психически больные. В итоге мы с прокурором туда пошли. И органы опеки Гергебильского района были против. Глава района — мой двоюродный брат — тоже был против; наверное, боялся ответст-

венности — дети-то больные. Даже на заседании Совета сказал: «Я против передачи детей в семьи, в детдоме им лучше, там врачи круглосуточно». Нам тогда помогла начальник отдела опеки и попечительства Кировского района г. Махачкалы Ума Мусаева.

Я сразу взяла пятерых мальчиков: Ислама, Камилля, Мухаммеднура, Саида и Гамзатика. Диагнозы — ДЦП, синдром Дауна, гемофилия, нет руки и почки. Они не могли ходить, разговаривать, мы их на руках носили. Нам твердили: они у вас не выживут.

Сейчас мальчики бегают по комнатам, говорят, с удовольствием общаются и с родными, и с гостями, которых всегда много в этом доме. Понятно, сколько сил пришлось вложить Марьям и её семье, чтобы дети развивались, ходили и говорили. И быть с ними рядом, видеть, как они растут, помогать им — счастье её жизни. Чтобы обеспечить малышам все условия для лечения и учёбы, Зайналабидовы купили земельный участок в Семендере, построили два больших дома. Дети с гордостью показывают свою большую игровую комнату, заваленную игрушками, три большие, светлые нарядные спальни.

Шестым ребёнком стала шестимесячная Фатима. Сейчас она, как и полагается младшенькой, всеобщая любимица, уверенно устраивается на колени к взрослым, начинает что-то лопотать на своём детском языке, пробует отнять игрушки у

мальчиков. Любимая дочка, не слезающая с маминых коленей, на вид кажется здоровой. Хотя всё не так хорошо.

— Когда Фатиму забирала, — вспоминает Марьям, — у неё в 6 месяцев голова крохотная была. Вот уже два года почти не сплю — выхаживаю её; скоро на волчью пасть будем операцию делать. Бойкая девочка вышла, но у неё отставание в развитии. Ей два с половиной, а отставание почти на год. Но ухаживать за больными детьми не тяжелее, чем за здоровыми.

Своих последних девочек, Зумруд и Зухру, уже достаточно больших — с глубокой умственной отсталостью, она взяла из дома-интерната для умственно-отсталых детей «Забота».

— Они неходячие были, Зухра к тому же очень агрессивна — всё время кричала. Сейчас успокоилась, остепенилась, обнимает, целует, хочет посуду убраться, помыть. Потихоньку, но приучаю. Даже самые больные дети дома меняются, крепче становятся. В интернате вставать с постели не хотели, у нас много двигаются. Им любви не хватает, может, оттого они как одичавшие. Говорят, что нянечки в детских домах их на руки не берут, режим такой. В селении часто бываем, там воздух, природа, простор. Родня уже от первого шока отошла, теперь муж очень помогает. Моя мама к ним как к внукам относится, иногда кого-нибудь забирает к себе домой; кругом родня, соседи, знакомые. Это же хорошо, когда у ребёнка много близких и любящих людей.

Любого ребёнка можно усыновить, любой ребёнок хочет любви и ласки. Говорили, они у меня на руках умрут... Но вот же, разговаривают, танцуют. Я люблю их как родных, лелею, холю, дрожу над маленькой Фатимкой. Они настолько беспомощные.

Я на своих детей ни разу в жизни голос не повысила, считаю, что это унижает их, и на приёмных никогда не повышаю. Они это чувствуют: вся агрессия, принесённая из детского дома, постепенно уходит.

Большая тема — а что дальше? Инвалиды, находящиеся на попечении государства, до совершеннолетия находятся в специализированных детских домах, а в 18 переезжают в дома инвалидов до конца жизни. Именно это больше всего пугает и родных и приёмных родителей. Если здоровый

человек лет с двадцати уже может быть самостоятельным, то эти дети, к сожалению, жить одни никогда не смогут. Хотя, по закону, опека над детьми только до 18 лет, Зайналабидова никому отдавать их после совершеннолетия не собирается.

— Я своим детям говорю: «Если я умру, умоляю, не отдавайте их обратно в детский дом. Поделите между собой, наймите няньку». Я хочу им всем профессию дать, девочек отдам на кулинарные курсы, для мальчиков мастерскую откроем. Двух мальчиков даже женить можно будет, они хорошо адаптировались. Надомное обучение организуем.

Кажется, любовь и нежность в сердце этой благородной женщины неисчерпаемы. Когда она лежала с детьми в детской больнице, познакомилась с маленьким 4-летним Рамазанчиком:

Кажется, любовь и нежность в сердце этой благородной женщины неисчерпаемы.

— Очень тяжёлый ребёнок, на паллиативной койке. Я к нему хожу, разговариваю, очень красивый мальчик. Хочу его забрать. Но суды не удовлетворяют требование о

лишении родительских прав, а без этого пособие по опеке выплачивать не могут. Я-то готова бесплатно его воспитывать — сколько ему ещё отмерено, поживёт в семье, в любви.

Пример оказался заразительным. Воспитывать детей Марьям помогала родная дочь. Несколько месяцев назад она вышла замуж, причём будущие родственники с удовольствием познакомились и принесли подарки всем приёмным детям. И молодая пара недавно объявила родителям, что они со временем обязательно возьмут приёмных детей. Свои, конечно, тоже будут... Новая семья дочери их решение полностью поддержала.

Почему совсем молоденькая девушка так решила? Доброта и сострадание наследственны? Или помогать — действительно счастье? Давно я не видела взрослого человека с такими радостными и спокойными глазами. Родных детей любить не сложно, это инстинкт, а чужих — надо действительно иметь огромное сердце. И очень много доброты.

Самое поразительное, что таких женщин становится всё больше. По словам начальника отдела опеки и попечительства Кировского района Умы Мусаевой, в очереди более 400 желающих взять ребёнка. Перестали приёмных родителей пугать и детские болезни — в интернате «Забота» разобрали большинство детей. При этом от своих детей стали отказываться гораздо реже.

Дагестанцы вроде бы всегда отличались большой любовью к детям. Но при этом и детские дома в республике тоже были всегда. В девяностые в них было более 600 детей — статистически в несколько раз меньше, чем в среднем по стране, но всё равно очень много. Мне много раз приходилось бывать там по работе, оттого и сомнения были в чадолюбии земляков — более 90 процентов брошенных явно наши.

Сейчас ситуация кардинально поменялась. И бросать детей стали гораздо реже, появилось очень много желающих забрать детей, причём с любым здоровьем. По словам начальника отдела по защите прав и интересов детей Министерства образования и науки РД Джамала Атаева, сейчас на попечении государства в Дагестане находятся 143 ребёнка. Были закрыты два детских дома. Вернее, избербашский детдом передали под детсад, из дербентского — сделали школу приёмных родителей.

В приёмных и опекунских семьях воспитываются 4 906 детей. Часто, в случае смерти родителей, детей забирают родственники: бабушки, дедушки, тёти, дяди. И, вопреки разговорам, здесь нет корысти. Пособие по опеке в Дагестане — самое маленькое по стране.

Усыновляют в основном достаточно молодые бездетные пары. Зато в опеку чаще берут женщины, которые уже вырастили своих детей. Наши специалисты констатируют, что в семье ребёнок намного лучше себя чувствует. В семье другое внимание к этому ребёнку, у него глаза начинают гореть — дети меняются абсолютно.

Замминистра образования Темирхан Халилов рассказывает, что в целом по стране наблюдается тенденция на сокращение воспитанников детских домов.

— Очень много дагестанцев, желающих взять ребёнка, — подчёркивает Халилов. — Я думаю, берут в основном из религиозных соображений, исходя из нашего менталитета, воспитания. От инвалидов стали реже отказываться биологические родители, так как есть специализированные школы, больше возможностей лечить и развивать ребёнка. Вместе с тем стало больше аутистов, но школы аутистов у нас нет. А она обязательно в республике нужна. Инклюзивное образование начали внедрять, но пока только начинаем.

Жизнь детей, которых взяли в семьи из детского дома, меняется. В детском доме не прививают

ответственность, привыкли, что все их жалеют. У ребёнка из детского дома социальная адаптация совсем другая. Главное, дети счастливы, не было случаев, чтобы дети просились обратно. Приёмные родители отказываются от детей, но очень редко, 2–3 случая в год. Иногда мы читаем про издевательства над детьми в приёмных семьях. В республике такого не было.

Кажется, дагестанское общество становится толерантнее и гуманнее. Ещё лет 20 назад внебрачный ребенок был основным источником пополнения детских домов. Сейчас приходит понимание, что именно бросить родного ребёнка — настоящий грех. То же и с инвалидами. Как бы тяжело не было, посвятить свою жизнь ребёнку, который никогда не будет гордостью семьи, умным, красивым, успешным. А любить просто за то, что это твой ребёнок, который не виноват в своём несчастье.

А такие женщины, как Марьям Зайналабидова, — успешные в бизнесе, карьере, матери здоровых детей — захотели сделать счастливее жизнь больных детей, которых предали их собственные родители. Говорят, из религиозных соображений... Вряд ли в жизни этих добрых и порядочных женщин были столь тяжкие грехи, чтобы вот так их искупать. Только огромная доброта, которой хватает на всех.

Восемь детей Зайналабидовой и сотни других, обречённых в безысходном одиночестве лежать на своих койках в детском доме, бегают сегодня со счастливыми лицами по большому красивому дому, тянут руки к Маме. Которая всегда обнимет, поцелует, поможет.

ЭТИКА ЭТНОСА

Мы продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Нормы традиционного речевого поведения в обществе органически связаны с установившимися в каждом коллективе неписаными законами ситуативного применения языковых единиц. Речевая культура поведения, речевой этикет – важнейший компонент национально-культурной специфики дагестанских обществ.

На манеру говорить, высказываться, спрашивать и отвечать общество в целом и его члены обращали самое пристальное внимание.

Речь говорящего должна была быть неторопливой, размеренной, без длительных пауз, без ощутимых признаков скудности словарного запаса говорящего. Крайне не приветствовались растянуто-замедленная речь или манера излагать свои мысли и чувства скороговоркой. В том и другом случае к человеку приклеивался ярлык «не умеющего говорить среди людей».

* * *

В целом частота произносимых слов на единицу времени для девушек, женщин была заметно выше, чем для юношей и мужчин. Иначе говоря, на манеру девушек и женщин изъясняться скороговоркой общество смотрело «сквозь пальцы», одновременно считая ту же манеру совершенно недопустимой для юношей и особенно для мужчин.

* * *

Степень размерности разговорной речи мужчин по установившимся меркам менялась в зависимости от конкретной ситуации. Например, нарочито-замедленная речь выступающего на сельском сходе, при судебном разбирательстве, межджамаатских переговорах и проч. несколько отличалась от более оживлённого речевого общения на годекане, в неофициальном кругу обсуждающих то или иное происшествие, новость и ещё больше – от общения узкого круга сверстников, собравшихся на пирушку, увеселение и приятное времяпровождение.

* * *

Идеальное речевое поведение для мужчин – это минимальное проявление чувств и эмоций при достаточной выразительности лёгкой улыбки, взгляда, скупого жеста, выдержанной интонации. Тембр голоса говорящего имел известное значение для реализации специфики общения в различных ситуациях.

* * *

Мужчине приличествовало говорить в несколько приглушенной тональности, со слабо выраженными модуляциями. Наставительно-приказные, просительные, чувственно-эмоциональные интонации в голосе в официальной обстановке или в общении круга ровесников на улице, площади, на дороге, и проч. считались неуместными.

* * *

В голосе мужчины, ненароком задевшего чьё-либо самолюбие, достоинство и публично или *tete-a-tete* признающего вину, могли прозвучать интонации раскаяния (авар. «рекIекъльи», лак. «пашман шаву», дарг. «пашманийни», лезг. «пашманвал», кум. «пашман болув»). Старались придерживаться всех этих правил и юноши, обычно стремившиеся во всём подражать манерам взрослых мужчин.

* * *

Требования к речи девушек и женщин в этом отношении были гораздо менее жест-

кими – и в общении с мужчинами, и в своём кругу.

* * *

В определенных ситуациях увещательные оттенки интонации (увещевать – «гъардесе» (авар.), «лергъ тIун» (лак.), «тиладибарес» (дарг.), «тIалабун» (лезг.), «ялбармакъ» (кум.)) в голосе говорящего мужчины считались не только возможными, но и желательными. Чаще всего этого требовали назревавшие или возникшие ситуации проявления недовольства мужчины адресованным ему жестом, словом, действием, поступком.

* * *

Насмешка (гIад-хочI, рашхант, ришхант, рахшанд, иланкъи), явственная, открытая или завуалированно-иносказательная, могла оцениваться по-разному: дружеская, незлобивая, вызвала адекватную реакцию, тогда как насмешка-издевка, уничижительная насмешка могла привести к крупной ссоре. К такому же последствию могли привести оттенки пренебрежительных интонаций (авар. «къиматгъечI», лак. «сийдакъас-са», кум. «абарсуз») в голосе говорящего, адресованные к кому-нибудь из общающихся. Наконец, малейший оттенок угрозы в голосе воспринимался как вызов, не отреагировать на который мужчина почёл бы ниже своего достоинства.

* * *

В голосе говорящего могли прозвучать нотки, интонации почтительности, одобрения (одобрить – берцин бикъизе, къамул бан, къабулбарес, къабулун, къабул гёрмек) и восторга (восторженный – гIанчIаб, шадсса, шадси, фад ашкъида гъатдай, улуу шавкълу). Почтительные интонации приличествовали при разговоре с родителями, со старшими и с категориями, к ним приравниваемыми. Такими же интонациями при общении члены общества, в том числе и старшие по возрасту, могли выделить юношу или молодого мужчину, проявившего незаурядные личные качества во благо джамаата: отвагу, самоотверженность, бескорыстие и проч.,

прославившего общество знанием языков, отличившегося в области богословия, в толковании Корана, шариата и др.

* * *

Рельефно, весьма заметно интонации одобрения поступка, действия, слова поступали в разговорной речи девушек, подростков и женщин; и в этом случае нормы культуры поведения, этикетного поведения требовали от мужчины сдержанности. Проявления интонации восторга оживленными жестами и возгласами восклицания для мужчины считались уместными только в узком кругу сверстников или на многолюдных праздниках и празднествах, на свадьбах; для всех прочих ситуаций здесь опять-таки делалась ставка на сдержанность.

* * *

Обличение, угрозы, презрение передавались говорящим специальными средствами, утвердившимися в общении именно для подобных случаев, средствами кинесики — мимикой, жестами и пр.

* * *

Придавая своим словам подчеркнутую интонацию обличения, говорящий пользовался нарочито-замедленным темпом произнесения слов и фраз, лицо при этом у него было неподвижно, взгляд пристальный, головой производились замедленные, в такт речи, покачивания вверх-вниз.

* * *

Интонации угрозы передавались резкими, рублеными словами и фразами, чаще всего односложными, каждое слово чётко произносилось только в его ударной части, остальная часть передавалась скороговоркой. Лицо оставалось неподвижным, взгляд был устремлен в лицо собеседника.

* * *

Презрительно-уничтожительные интонации передавались нарочито-растянутым произношением слов, в которых все гласные заменялись их смягченными вариантами (прибл.: «я» вместо «а», «е»; «ъэ»

вместо «и», «ы», «э»; «ё» вместо «о», «ю», вместо «у»), а также смягчением согласного на конце слова. Степень уничижительности такого выражения усиливалась намеренной заменой категорий мужского и женского рода категорией среднего. Это — наиболее оскорбительный вариант обращения и, соответственно, наиболее редко используемый.

* * *

Мужчине, представителю среднего и старшего поколения, при беседе приличествовала строгая, спокойная манера поведения. В любом случае, почти в любой ситуации выдерживался строгий порядок: один говорит — остальные слушают. Перебить говорящего, прервать его, придать беседе другое направление, если в этом не было острой необходимости, по нормам этикета считалось неприличным.

* * *

Не приветствовалось, с другой стороны, и безучастное отношение окружающих к словам говорящего. Нормы этики требовали, чтобы старшие, ровесники говорящего в его речевых паузах кратко выражали удивление, одобрение, заинтересованность. Собственно, небольшие паузы при высказываниях, монологах для этого и предназначались: слушателям, собеседникам давалась возможность вникнуть в суть услышанного и кратко выразить своё отношение к нему.

* * *

Впрочем, названные нормы были в Дагестане хотя и преобладающими, но не повсеместными. Так, например, у северных кумыков, салатавских аварцев, у агулов и горских евреев перебивать говорящего, если это представитель старшего поколения или лицо, приравниваемое к категории «старший», не полагалось. «Не прерывать речь собеседника» — один из принципов и арабского этикета в Йордании.

* * *

Крайне тягостное впечатление оставляла у окружающих речь, избыточная «словами—

паразитами», тавтологическими оборотами, неточными определениями, грамматически неправильно построенными фразами. Напротив, умение ввести в разговорную речь уместные афоризмы, обороты из устного народного творчества, применение местных идиом, фразеологизмов весьма приветствовалось и считалось достойным подражания.

* * *

Говорить с собеседником, с группой лиц полагалось негромко, но так, чтобы слова и интонации чётко доходили до адресата. Чрезмерно громкий голос или невнятное бормотание одинаково удручающе действовали на окружающих: первое приравнивалось к проявлению самонадеянности, самолюбования, нескромности, второе – к природной робости, «закомплексованности»; то и другое оценивалось как неумение вести себя в обществе.

* * *

Вести переговоры громким голосом с человеком, находящимся на значительном расстоянии, мужчина мог только в исключительных случаях; иначе это считалось дурным тоном.

* * *

В то же время переговоры женщин с крыш своих домов, отдалённых друг от друга на десятки метров, — явление в горах обычное, особого осуждения не вызывавшее. Женщины-кумычки в этом отношении составляли исключение.

* * *

Время от времени в горах Дагестана две женщины, не пришедшие по какому-либо вопросу к единому мнению, «выясняли отношения» с крыш своих домов, проявляя при этом, на потеху всего селения, язвительное остроумие. Впрочем, даже в этих случаях «состязующиеся» (как правило, это были женщины среднего возраста) не выходили за рамки дозволенного в своих словесных перепалках.

* * *

Громким голосом, криком вести переговоры со значительно отдалённым собеседником для юношей считалось нежелательным, а для девушек и вовсе недопустимым.

* * *

Назидательный тон (назидание — гИибрат, насихIат, гьибрат, насигьат, насигьат) был уместен в разговоре, беседе старшего лица с младшим, духовного лица или представителя местной администрации с основной массой джамаата, между ровесниками, между мужчинами и женщинами, находящимися в близком родстве, в дружеских, долговременных соседских отношениях. Во всех иных случаях традиционные нормы предписывали при общении ровесников неукоснительно придерживаться принципа равенства общающихся в отношении морального статуса. Выход за пределы этих рамок мог вызвать недовольство отчитываемой стороны с трудно предсказуемыми последствиями.

* * *

Признаками дурного тона и невоспитанности считалась в обществе высокомерно-заносчивая или просительно-заискивающая манера говорить со своими односельчанами и родственниками. Основополагающий этический принцип общения — максимальное проявление чувства уважения к окружающим при полном сохранении собственного достоинства — лежал в основе и этой ориентации.

* * *

Наиболее популярным, но отнюдь не самым распространённым приветствием мужчин было «Салам-алейкум» (варианты: «Ас-салам-алейкум», в Южном Дагестане — «Селям (сялям) алейкум») и ответное «Ва-алейкум салам» (несколько искажённое «Мир (в смысле — «умиротворённость») тебе» — «И тебе мир»). Этим, в Дагестане — исключительно мужским, приветствием совершеннолетний мужчина встречал ровесника, старшего, группу мужчин, путника на дороге, группу лиц и отдельное лицо в чужом селении, в том числе и иноэтническом-мусульманском. К нему не принято было прибегать в общении с близким родственником, другом, соседом.

* * *

Если приветствие было обращено от отдельного лица к группе, то ответное приветствие, как правило, произносил один из группы, обычно старший, не находящийся в близком родстве с приветствующим. В ситуациях встречи групп с группой начальное и ответное приветствие произносились старшими этих групп, не состоящими в близком родстве.

* * *

По нормам этикета мужчина столько раз произносил это приветствие, сколько раз удалялся от группы и возвращался вновь в силу различного рода обстоятельств. В последнем случае исключение составляла группа совместно работающих мужчин: ненадолго отлучившийся приветствие не возобновлял.

* * *

Несовершеннолетние и вся женская часть населения не обладали правом приветствовать кого-либо этой формулой. То же относилось и к сословно-неполноценной части населения джамаата, хотя к XIX в. жесткость подобного запрета была уже существенно смягчена. Наконец, формулой «Салам алейкум» обычно не приветствовали христиан и иудеев. Впрочем, как уже отмечалось, это исключение делалось в обход шариатским установлениям, распространяющим право на «салам» и соответствующее ответное приветствие на людей «священного писания».

* * *

Чаще всего члены общества приветствовали или прощались друг с другом посредством речевых формул типа «доброе утро» (варчлами, ивзрав, велхунрив, сабагь (пакама) хаир, танг яхшы болсун) и «спокойной ночи», «с приездом», «с появлением» и др. Наиболее распространены были приветствия, к которым прибегали представители одного и того же джамаата, селения при случайных, повседневных, бытовых встречах. Это были приветствия типа «как твоё самочувствие», «как дела», «как ты» в вопросительной интонации. Ответная формула: «хорошо, а как ты?», «неплохо, а у вас?».

* * *

Не менее распространёнными были такие речевые формулы, которые приветствия как такового в себе не содержали, но тем не менее призваны были продемонстрировать доброжелательное внимание одного лица к другому. Например: «Что, Ахмед, на воздух вышел?» — «Да, племянник (брат, двоюродный брат), хочу воздухом подышать»; «Смотрю, тётя, куда-то направилась?» — «Да, дочка, есть кое-какие дела»; «Что так рано встал, дядя?» — «Да вот на хутор собираюсь, племянник» — и др.

* * *

Этикетные, взаимные вопросы типа «как поживаете?», «как у вас дела?» и др.

в подобных случаях составляли уже вторую часть приветствия-диалога. В любом из приведённых случаев приветствие либо вовсе не носило информативный характер, либо информация здесь была отнесена на второй план. Главное содержание приветствий — продемонстрировать внимание, доброжелательность и воспитанность.

* * *

Младшие по возрасту по отношению к старшим от длительных диалогов-приветствий воздерживались, инициатором такого продолжения мог выступить только старший. Неуместным считался этот вид приветствия при встрече парня и девушки, молодого мужчины и молодой женщины: в этих ситуациях нормы этикета предусматривали краткое, однозначное приветствие типа «доброе утро», «счастливо», «счастливой дороги», «счастливого пути» (нухбитгагы, ххуллухьин, рекее твардай гаф, яхшы ёл). Два последних обычно произносились в вопросительной интонации, в ответ следовало приветствие-объяснение:

«аминь, вышла за водой», «аминь, иду по делам» и др.

* * *

Нормы этикета предусматривали и определённые формы принесения извинений (извинение – ггузру; ялтту бучьаву, багышла баву; чеверхни; гьил кьачун, багышламишун; гечив, багышлав): за невнимание к собеседнику («извини, я не знал, что ты здесь», «я не знал, что ты приехал», «я не знал, что у тебя то-то случилось», «я не хотел тебя обидеть», «это получилось нечаянно» и др.); за неуместную шутку, ненароком нанесённую обиду, моральную травму, за нечаянное прикосновение мужчины к женщине и др. Извинения приносились независимо от пола и возраста провинившегося. Однако извинения старшего обычно облачались в краткую, сжатую форму, извинения женщин могли быть эмоциональными и многословными, извинения младшего произносились в подчеркнуто покаянной форме; за детей, подростков извинения обычно приносили родители, ближайшие старшие родственники.

Светлана Анохина

САБИР ГЕЙБАТОВ. ГЛИНА ДЛЯ ГОЛЕМА И ОСКОЛОК МЕТЕОРИТА

Светлые стены. Высоченные потолки. Высоченные окна. Безжалостный свет ламп. Повсюду — на полках и на полу, громоздятся серые фигуры, торсы, огромные головы. Грозные лица, сведённые брови — всё больше герои, мыслители, учёные; ни справа, ни слева не вижу ни одной улыбки, ни одного растерянного или смущённого взгляда. И он — скульптор и философ Сабир Гейбатов, как-то в ответ на комплимент о своей звёздности, ответивший, что он лишь осколок метеорита, — шагает между ними. И кажется очень уязвимым. Будто даже синяя его футболка и громкий голос это уже вызов. Будто в любой момент эти глиняные творенья могут вспомнить, кто на самом деле тут Главный. А вспомнив, смять в горсти и вылепить нового человечка или свистульку, или могучее, вольное крыло птицы Симург.

Но Сабир не слышит, как растёт, делаясь страшным, их молчание. Он привык. И привычка, уверенность, что эта масса глины покорна, что не взбунтуется и не пожрёт скульптора, то ли защищает его, то ли, наоборот, делает слишком беспечным, лишая осторожности — последней защиты.

«Это папина вообще-то мастерская. По сути, я всю жизнь тут провёл. Могу немного ошибаться, но лет пять мне было, а то и меньше, когда я впервые зашёл в отцовскую мастерскую и почувствовал, что это и мой мир. То есть сначала я немного оторопел, что ли. Ну представь, ты маленький человек, вокруг тебя всё большое, всё больше, чем ты, только кошка чуть меньше. А в мастерской не просто большое, а гигантское. Образно говоря, я видел то хвост слона, но хобот, то ногу, то слоновий серый бок. И они завораживали, как завораживает всё колоссальное и непонятное. Только на второй или третий раз я сумел рассмотреть не отдельные части скульптур, а все целиком, и узнал их, и увидел, что эти громадные глыбы не сами по себе, что они с человеческими чертами».

«Отец подсовывал мне пластилин, но без нажима, неназойливо. И не совсем понятно, откуда лет в семь проклюнулось и выросло это «ты должен быть Микеланджело». Хотя не совсем так — само это место уже диктовало почтение. Я приходил туда, но не свободно, если под свободой понимать бесцеремонность. Приходил почтительно, понимая, что папа делает самое великое дело в мире.

Он часто цитировал Михаила Керзина, своего учителя (мастера ещё дореволюци-

онной школы, закончившего Санкт-Петербургскую Академию художеств в 1912 году): «Пока не поздно — бросайте эту профессию!». Но говорилось это так, с такой интонацией, что было понятно, — это путь для избранных, для фанатиков, сгорающих на этом пути и сгорающих с радостью. И друзья отца кивали в ответ на его слова. В моём представлении они были лучшими людьми на свете, практически героями. Как те, из книжки «Герои Эллады» — я ею зачитывался, как все мальчишки, мои ровесники. И, наверное, неудивительно, что первой моей работой стал рельеф «Геракл, бьющийся с питоном», я сделал его в 10 лет. А после него был Атлант, уставший, почти обессиленный. Он стоял, опираясь на колено».

«Могу сказать с уверенностью: профессию я выбрал сам. Другое дело, что при таком понимании мира и того, что в жизни может считаться главным, я мог выбирать только между двумя вариантами — принести себя в жертву искусству, сгореть на этом алтаре, или не приносить и прожить бездарно и бесследно.

Ну а есть ли вообще так называемый «свободный выбор» у молодого совсем человека с идеями? Говоришь, «достоевская мысль»?

А Достоевского-то я как раз и не читал — не смотри, что книжка тут лежит. Не было времени. Я вообще литературу и кинематограф знаю больше через философский контент. Кстати, о выборе. Наверное, он всё же был. И есть. Вот нас у родителей трое. Самой талантливой считалась Лаура, сестра. Но в классе 3-й она вдруг сказала: «Я больше не буду рисовать». И ушла в медицину. Вполне успешно, между прочим».

«Задумался, каким было моё детство. В мастерской отца я находился в плоскости советского искусства. А дома, через книги, был со всей Европой, где лаконично говорила Античность, ослепляло Возрождение. А когда я был в 1–2 классах, отец поехал в Индию и привёз оттуда фигурки: пляшущий Шива, Будда Шакьямуни, Кали с мёртвыми головами на шее... И на какое-то время Индия поглотила меня целиком.

А в начале 90-х пришёл интерес к исламскому контенту. Была задумка делать такие модули и с их помощью оформлять внешние и внутренние пространства. Скажем, внешнее пространство — это разные виды Махачкалы, а внутри, в тёмном помещении, идут лучи света, и там, в монохроме, обнажённые

тела. Вот эта работа называется Симуург. Все же помнят эту легенду о птицах, полетевших искать Симурга, царя птиц. И в конце своего путешествия узнавших, что Симуург — это все они вместе и каждая в отдельности. Мой Симуург — символ арте повера, «бедного искусства» (термин, введённый искусствоведом Джермано Челантом для определения художественного течения 1960–1970-х гг. Челант надеялся, что использование «бедных» материалов и отказ от традиционных представлений об искусстве как о «продукции» для собирания и коллекционирования, подорвут коммерциализм, заполнивший мир искусства. — *Ред.*). Погляди, оконца в его теле — это арабские буквы. А шерсть, которой он покрыт... это последняя защита, дальше только кожа, то, что и строит нашу индивидуальность. Делались когда-то такие опыты, человеку вводились вещества, снимающие чувствительность кожи, и человек терял себя вплоть до шизофрении. А в области сердца у моего Симурга зеркальце. Чтоб каждый мог взглянуть в него, отразиться и так вписать себя... Вписать себя... В мир, в нечто общее. А также почувствовать себя отчуждённым от мира, ощутить свою самость».

в резиденции у Кадырова. Лет 10 назад у меня её купили, не помню уже точно, за какую сумму. Но если спросишь, что я по этому поводу чувствую, то не сумею ответить. Наверное, напущу тумана для многозначительности».

«Вот у этого в шляпе есть имя. Зови его Экорше. Экорше Гудона. Бывает, люди путаются, спрашивают: тоже ваша работа? На самом деле это учебное пособие. На таких студенты учатся рисовать, лепить, правильно понимать, как там, под кожей, под слоем жирка идут мышцы. Экорше и переводится-то с французского как «ободраный», то есть лишённый кожи, покрова. А именно этот — копия пособия, сделанного скульптором Гудоном ещё в тыща семьсот каком-то году.

С 6 по 8 класс я проучился в московской художественной спецшколе, их в СССР было всего две. По такому пособию и учился, смотришь на него и лепишь. Лепишь и смотришь. Заметила, мы опять подошли к этой теме — кожа как граница, спасительная и запретительная одновременно».

«Здесь, конечно, не только мои работы. Вот ягудаевская скульптура — его мастерская с отцовской рядом, через стенку была. Такая летящая линия, пластика удивительная, его руку ни с кем не спутать. На самом деле это подсвечник, семь свеч на голове, дальше косы. Анатолий Михайлович Ягудаев был великий мастер. Через его скульптуру, ну и через работы Апанди Магомедова, Ибрагим-Халила Супьянова Дагестан связан со всем огромным миром. А вот ещё небольшая работа Тамары Мусахановой «Мама-коза», это такое народное искусство, очень трогательное, оно тихое и ласковое, как колыбельная, что ли».

«Если говорить о том, чем обычно хватают художники, то одна моя работа стоит

* * *

«Не только, — хочется мне сказать, — не только к этой теме мы подошли опять». Наворачивая круг за кругом, мы постоянно касаемся одних и тех же вопросов. Говорим о выборе, о запрете, о том, что бывает, когда главный твой тюремщик это ты сам. О словах. И не случайно на твоём мистере Экорше шляпа, и даже имя у него есть. Мы ведь и о смехе говорим! О том самом смехе, которому по большому счёту посвящён роман Умберто Эко «Имя Розы». Ты наверняка не успел его прочесть, а то мы бы могли поговорить ещё кое о чём. О том, нужно ли открывать «предел Африки», о Хорхе, сжевавшем отравленные листья «Поэтики» Аристотеля, о том, так ли нужен пафос и так ли страшно осмеяние. О зеркалах и библиотекарях. Об Отцах. И свободе от них.

Но в любом случае я рада, что в твоей мастерской есть ещё и второй этаж, где место не для трудов, а для друзей. Там диван и стол, чайник со спитой или свежей заваркой и чашки, и эхо недавнего лёгкого разговора. А недалеко от монументальной, гигантской головы поэта Сулеймана Стальского, будто бы выросшей из плоскости стены, вобрав в себя и цвет, и материю, есть лестница, ведущая на этот второй этаж. Лестница, по которой можно взбежать в случае, если всё же эти глиняные лица и тела вдруг слипнутся в один ком и поползут, желая вобрать в себя живого тёплого человека.

*Этот текст был готов несколько месяцев назад, но не хватало снимков. Досняли. Ровно в тот момент, когда последняя карточка встала на полосу, тренькнул телефон: «Умер Сабир Гейбатов. Тромб...»
Редакция выражает соболезнование родным и близким Сабира.*

Влада Бесараб

Пленэр

УЛЛУЧАРА. ВЕСНА БЛИЗКО

Лакское село Уллучара в Акушинском районе очень древнее. Арабская надпись на самом старом памятнике местного кладбища датируется 750 годом, в самом селе при строительстве были обнаружены захоронения мужчины и женщины времён язычества.

«Уллучара» — это официально принятое название селения в русской транскрипции. Сами жители именуют его несколько иначе, а соседи-даргинцы называют на свой манер. Точного объяснения происхождения названия нет. Версии выдвигаются самые разные, ни одна не выглядит убедительной, но тем интереснее.

По второму (точнее, первому) образованию автор рубрики «Пленэр» этого номера **Фатима Алиева** — архитектор. Она проектирует жилые дома, интерьеры, а также занимается разработкой 3D-моделей деталей для мебели и росписью мебели. Но это работа, а для души есть поездки в горы и графика. И если в обычной жизни эта молодая женщина очень спокойна, медлительна и молчалива — эдакая «спящая красавица», то в горах она мгновенно преобразается и удивляет всех своей энергичностью, жизнерадостностью и невероятной работоспособностью. Почему так происходит, она и сама не понимает, но говорит, что это ей очень нравится.

Традиционная для Нагорного Дагестана многоступенчатая архитектура делает Уллучара интересным для путешественников и художников. А Фатиму Алиеву это село особенно привлекает ещё и потому, что здесь родился и вырос её отец. Его рассказы наложились на её собственные детские впечатления и те факты об истории и своеобразных

традициях Уллучара, которые она нашла в книгах, будучи уже взрослой. Результатом стала графическая серия (из офортов и акварелей), посвящённая селу и его людям. Офорты были частью дипломной работы Фатимы на ХГФ ДГПУ, за которую она единогласным решением аттестационной комиссии была удостоена оценки «отлично с похвалой». Акварели же выполнены специально для проекта нашего журнала.

Очень поэтично, трепетно передала художница прелесть села: строгую архитектуру, прозрачность воздуха, свежесть зелени, богатство узоров на старинной посуде, всё ещё используемой в быту. В офортах Фатиме удалось добиться единого живописного впечатления чисто графическими средствами: контрасты более интенсивных штрихов переднего плана с лёгкими прозрачными линиями фона передают глубину пространства, воздушную перспективу. Особенно хорошо это видно в листе, изображающем зимний пейзаж в Уллучара.

Тесно прижатые друг к другу двух- и трёхэтажные дома расположились амфитеатром по солнечной стороне горного хребта так, что село представляет собой естественную крепость. Особую величественность этой панораме придаёт 50-метровый минарет главной мечети, находящейся на самом гребне. Это одна из самых крупных мечетей в округе, её строительство датируется 1115 годом Хиджры, а минарет возведён на 95 лет позже — если судить по надписям, обнаруженным на камнях.

Несмотря на свою молодость и хрупкость, Фатима обладает зорким взглядом и тонкой интуицией настоящего художника, уверенной рукой мастера. Она виртуозно владеет не только линией, но и пятном, силуэтом, контуром, белым штрихом. Живописные пятна акватинты, мастерски использованной при выполнении некоторых офортов, придают им экспрессии, композиционно выделяют главное. Для изображения самых лёгких теней и передачи мельчайших «акварельных» нюансов, автор

ДАГЕСТАН

использовала лавис — старинную технику рисования концентрированной серной кислотой прямо на доске. Сегодня она почти не применяется ввиду чрезвычайной сложности исполнения и вреда здоровью.

Хотя акватинта и лавис придают гравюрам живописности, размытой акварельной мягкости, невозможно точно предсказать, как при этом лягут тени и размоются контуры. Но Фатиме Алиевой как раз очень нравится этот эффект спонтанности. В том числе за это она любит и акварель, а именно, письмо по сырому, когда работать надо быстро, мгновенно реагируя на то, как ложится краска, используя выразительные возможности почти стихийно возникающих пятен и потёков. Для пущей эффектности Фатима порой использует спирт: если его капнуть на работу, он интересно разгоняет краску. Это то, что касается технической стороны процесса, а вот любимых жанров у художницы нет. Ей интересны и люди, и пейзажи, и мир вещей.

Отличное знание природы дополняется прочной теоретической базой: при работе над уллучаринской серией настольной книгой Алиевой был историко-этнографический очерк «Уллучара» Г. Магомедова и Ч. Чупанова.

В Уллучара перейти из нижней части села в верхнюю можно только в пяти местах по крутым ступеням, выбитым в скале. Говорят, что когда-то был тоннель от края до края села, но учёные считают это маловероятным, ибо даже с помощью современной техники с трудом можно пробить здешнюю скальную породу. А вот локальные укрытия, небольшие пещеры и тоннели, где местные жители могли прятать оружие и провизию и укрываться сами в случае опасности, конечно, были. Опасностей и кровавых стычек в стародавние времена было немало. Но Фатиму Алиеву вдохновляли рассказы не о них, а о праздниках, которые уллучаринцы всегда отмечали необычно и интересно.

На праздник первой борозды (хъув буккаву, хъурзикабу) в Улучара и сегодня съезжаются гости со всего Акушинского района. Важная роль отводится «главному пахарю», которого выбирают из числа уважаемых сельчан, крепких хозяйственников. В доме пахаря раньше проходило традиционное пиршество, которое готовилось вскладчину, ему же доверяли провести ту самую символическую первую борозду. На акварели Фатимы пахарь непосредственно перед этим событием: он обряжен в вывернутую наизнанку овчинную шубу, на голове — папаха, из-за спины торчат во все стороны ветки метлы. Сейчас он — серьёзный и важный — пойдёт через село во главе процессии, вокруг с радостными криками будут бежать дети, а женщины, поливая участников шествия водой и обсыпая мукой, будут кричать из окон: «Да уродится земля, да будут густыми всходы, да умножится скот!».

В этом году художница очень надеется попасть в село на праздник, чтобы с натуры запечатлеть и это торжественное шествие, и вспашку земли, и соревнования в силе и ловкости, которые следуют после. А мы будем ждать новых работ.

Влада Бесараб

СВЕТ ДАЛЁКОЙ СУПЕРЗВЕЗДЫ

В прошлом году в Махачкале состоялась премьера документального фильма Тимура Яшулова «Я здесь был», рассказывающего о событии лета 1990-го, которое настолько невероятно, что многие считают его городской легендой.

Тогда в июне в Махачкалу приехал Ян Гиллан — рок-звезда мирового уровня, солист легендарной группы «Deer Purple», исполнитель заглавной партии в рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда». Три концерта на стадионе «Динамо» прошли с аншлагом и до сих пор остаются самым грандиозным событием в жизни дагестанских меломанов.

Во-первых, потому что в 1990 году Советский Союз всё ещё оставался закрытой страной и рок-звезды мирового масштаба, если и приезжали с гастролями, то уж никак не в глухую провинцию, какой являлся Дагестан. Во-вторых, с той поры прошло почти 30 лет, но опять-таки никто даже из отечественных популярных рокеров в Махачкале не выступал (нет, мы помним про Гребенщикова, но давайте не путать акустический полуподпольный концерт, случившийся по странному стечению обстоятельств, с официальным гастрольным туром и выступлением перед многотысячной аудиторией). А в-третьих, Гиллан до сих

пор — суперстар мирового уровня и фильм о нём оказался интересным современным тинэйджером, которых было немало среди зрителей на обоих официальных показах.

После просмотра фильма к микрофону образовалась очередь из желающих поделиться своими воспоминаниями о том, «как это было», и чем эта музыка является для них до сих пор. А некоторые самые младшие зрители позже признавались, что именно фильм помог им лучше понять своих родителей и бабушек с дедушками, которые, оказывается, в молодости слушали не самую отстойную музыку и умели по-настоящему зажигать.

Для Тимура Яшувова работа над проектом «Я здесь был» стала в буквальном смысле спасательным кругом, ухватившись за который, он вернулся в профессию, да и вообще в жизнь. Но обо всём по порядку.

— У меня есть старший товарищ Зиявудин Ахмедов — страстный меломан, рокер. И вот сидим мы с ним как-то в его рок-кафе, общаемся, он рассказывает о том, что и раньше в Махачкале было много ярких культурных событий, концертов — даже Ян Гиллан приезжал, и показывает на большой плакат «Deep Purple» за спиной. Я, конечно, эту группу знал, но о махачкалинских гастролях Гиллана услышал впервые и не представлял значимости такого события для местных меломанов. А когда Зиявудин рассказал, насколько это было грандиозно — три концерта на стадионе, живой звук, — мне подумалось, что можно сделать интересный новостной сюжет; я тогда в программе «Вести-Дагестан» работал. Хотел снимать в номере гостиницы «Ленинград», где жил Гиллан, и где он встречался с нашими журналистами, — **вспоминает Яшувов.**

Сюжет снять не удалось, потому что в 2014 году Тимур, которому на тот момент было 30 лет, перенёс инсульт. Операция, кома, реанимация, тяжёлые последствия в виде левостороннего пареза, нарушения речи, потери навыков письма и чтения. Затем была вторая операция уже в Москве, в Центре нейрохирургии имени академика Бурденко. В ходе длительной реабилитации Тимур заново учился ходить, говорить, читать и писать. О возвращении в профессию речи не было — это если говорить о профессии репортёра. Но однажды Тимур «сделал открытие», что журналистика бывает не только новостной:

— Я когда лежал, много фильмов смотрел, в том числе цикл документальных лент Би-Би-Си, посвящённых известным музыкальным группам. И меня прямо осенило, что я могу сделать фильм о Гиллане в таком формате, не присутствуя в кадре! Концепция родилась сразу, начальная информация у меня уже была, и мы начали снимать. Это была своего рода реабилитация. Меня очень поддерживали мама и моя жена Сабина, которой я и посвятил фильм.

КОМСОМОЛЕЦ ДАГЕСТАНА

Газета награждена
Почетной грамотой
Президиума Верховного
Совета РСФСР

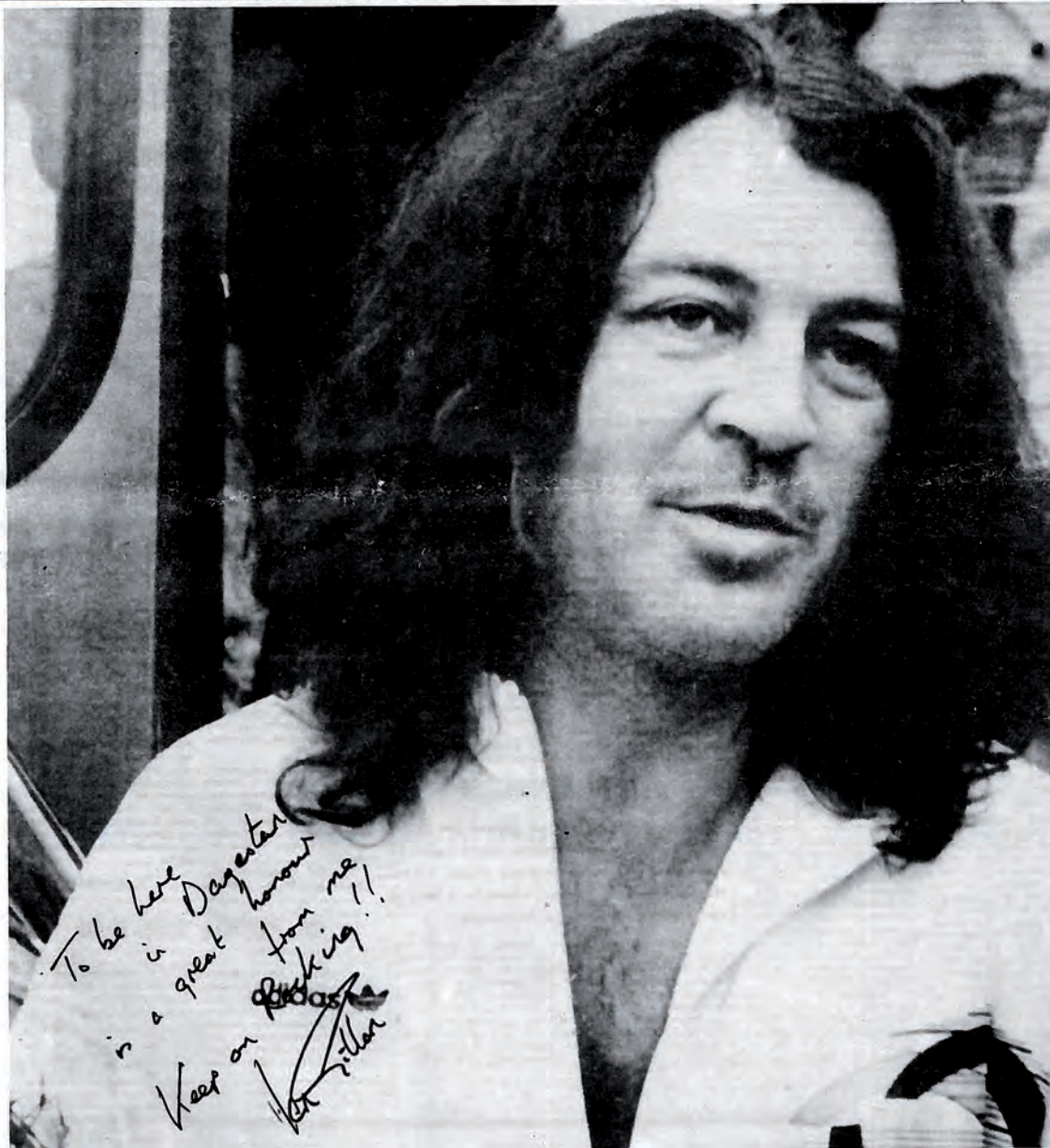
Орган Дагестанского обкома ВЛКСМ

ГАЗЕТА ИЗДАЕТСЯ С 1921 ГОДА

СУББОТА, 9 ИЮНЯ 1990 г.

№ 23 (7095 — 7097)

Цена 8 коп.

Иэн Гиллан, фантастический вокал одной из основательниц хард-рока группы «Дип перпл» — поет у нас в Махачкале! Целью три концерта на радость фанатам. Почти два часа посетил Иэн пресса и нашему корреспонденту Агураду

Канвеу, чю беседа с суперзвездой вы можете прочтять на 4-ой странице. А на прощанье с присутствием знаменитости скромностью черкнул на память: «То, что я здесь, в Дагестане, большая честь... Да здравствует рок!!!» Спасибо, Иэн. И так, юп он рокниг!! Фото Н. ДИКА.

— Кто был оператором?

— Операторов было несколько и я очень им благодарен. Всё делалось на энтузиазме, ребята работали бесплатно, тратили личное время. Так совпало, что мой друг и коллега Руслан Мурзаев, который уже несколько лет работает

в Москве, приехал в отпуск и привёз с собой камеру. С ним мы записали основную часть интервью. Другие съёмки делали Шамиль Ахмедов, Иса Саламов, Игорь Церковный. Снимали не только в Махачкале, но и в Москве, где живёт, в частности, Наталья Газиева.

— Фильм построен на интервью: люди, бывшие на концерте, участвовавшие в организации гастролей, журналисты, общавшиеся с Гилланом, вспоминают о том, как это было, показывают артефакты, которые они все эти годы бережно хранили. Как искали героев, они охотно соглашались на съёмки?

— Специально никого не искали, как-то всё само складывалось, как у нас в Махачкале обычно бывает: один сказал другому, а другой третьему, что есть идея снять такой фильм. И вот уже мне звонят, что надо поговорить вот с этим человеком, потому что он знает то-то, и непременно ещё вот с тем. Соглашались все! С Абдулом Абсаматовым (*музыкант, руководитель популярной в конце 80-х – начале 90-х группы «Аман»*) я связался уже одним из последних, узнав, что он играл важную роль в организации жизни Гиллана в Махачкале. Он сам приехал ко мне со своим оператором. Кстати, кадры хроники концерта, которые вошли в фильм, были сняты по заказу Абсаматова — снимали с трибун стадиона, с самого

верха. Каким-то невероятным образом на меня вышел человек, поймавший во время концерта губную гармошку, которую Гиллан бросил в толпу зрителей. Он живёт не в Махачкале, а в одном из районов республики, но специально приехал и привёз эту гармошку и оригинальный плакат — их можно видеть в фильме.

— Пожалуй, самая интересная часть фильма — это запись беседы Гиллана с дагестанскими журналистами, сделанная в его номере гостиницы «Ленинград». Как удалось её отыскать, и как она вообще сохранилась, ведь это рабочая кассета, а их обычно использовали многократно?

— Это интервью в «Ленинграде» мы искали очень долго. Снимал Александр Александровский — прекрасный оператор, легенда дагестанского телевидения, которого, к сожалению, уже нет в живых. Его вдова и сын сказали, что этой записи у них нет. Не оказалось её и в архиве программы «Ракурс». В общем, я уже смирился с тем, что этой плёнки в природе не существует, и

почти смонтировал фильм, разбавляя «говорящие головы» фотографиями, которые удалось найти. Но это же Махачкала! Звонит мне коллега Тимур Джафаров и говорит, что ему позвонил Махач Магомедов, который был на этой импровизированной пресс-конференции в «Ленинграде», и рассказал, что случайно нашёл дома кассету VHS с надписью «Ян Гиллан», и, если мне надо, то он её привезёт.

— А тебе ещё как надо! Только на чём смотреть кассету VHS?

— Я полез в подвал, достал видеомэгни-тофон, который всё собирался выбросить, но так и не выбросил, протёр-почистил — и мы посмотрели кассету. Это было потрясающе!

— Удивительно, что плёнка так хорошо сохранилась!

— Она просто лежала у Махача дома все эти годы, её не смотрели и не затёрли. А ещё я порадовался, как же классно Александровский всё снял! С плеча, без штатива, но изображение «не дёргается», переходы с

общих планов на крупные очень плавные, и главное, он не пропустил ничего, запечатлел все эмоции Гиллана! Пришлось менять всю логическую цепочку фильма, перемонтировать, но это того стоило. Монтаж делал мой однокурсник и друг Таин Рабаданов, который сразу согласился участвовать в этом проекте. Мне не приходилось ему ничего объяснять, мы думали в унисон.

— Как удалось заполучить в фильм самого Гиллана?

— Это как раз было несложно, что опять-таки подтверждает тот факт, что звёзды такого уровня — профессионалы и серьёзно относятся к своей работе, будь то концерт в Лондоне или Махачкале. Знакомые музыканты из Питера помогли мне найти контакты помощников Гиллана, я написал им на мейл, они связались с Яном и он записал для нас обращение, которое и вошло в фильм.

— Действительно, всё очень просто. А что было самым сложным в работе над фильмом? И главное, зачем он вообще

нужен? Тем, кто был на том концерте, приятно вспомнить молодость, а зачем его смотреть молодым зрителям?

— Самым сложным было начать. Потом собрать воедино все факты, перепроверить их, найти фото и видео — их тогда было мало. Здесь очень помогли Патимат Заурбекова и Наталья Газиева — непосредственные организаторы этих гастролей. Пока шла работа над фильмом, по городу поползли разные слухи, многие переживали, что я, в силу возраста и других причин, не смогу разобраться в тонкостях музыки, представляю всё не так.

— Но это фильм не о музыке, а о явлении под названием Ян Гиллан!

— Вот именно. Я также не ставил задачу провести расследование и вывести кого-то на чистую воду — сколько стоили билеты в кассе и за сколько их перепродавали, а

сколько человек вообще через забор перелезли. Это абсолютно неважно! Мне хотелось обозначить сам факт того, что Гиллан действительно был с концертами в Махачкале, и это было невероятно — как полёт в космос! А зачем его смотреть молодым... По большому счёту незачем, кроме как для того, чтобы лучше понимать то время, людей, которые жили тогда.

— Ты сделал отличный фильм, доказав всем, что ты по-прежнему в профессии. Зрители посмотрели, поаплодировали и разошлись. А что дальше?

— А дальше самое сложное — продолжать работать. «Я здесь был» надо перевести на английский, чтобы сам Ян Гиллан смог его посмотреть. Нужно думать о прокате фильма, о том, чтобы продать его на центральные каналы. Но главное, я не хочу быть автором одного хита, поэтому буду работать над другими проектами в той же концепции. Мне очень хочется рассказать о художнике Хасбулате Юсупове, который недавно ушёл от нас. Сейчас я занят этим проектом.

Знал я о существовании записок отца давно, но при его жизни не читал, откладывая на потом, хотя он неоднократно предлагал. Вот это «потом» и наступило, теперь я всё прочитал. Две обычные 96-листовые общие тетради, исписанные им почти от корки до корки.

В тех записках отец рассказал о первых двадцати пяти годах своей жизни, о детстве и молодости, которые пришлись на лихие 30-е и 40-е годы прошлого века и были насыщены событиями разнообразными и драматичными, среди которых голод, мор, скитания, тюрьма, война, бомбёжки, артобстрелы...

Читал я обо всём этом и раньше — нечто, написанное какими-то неизвестными, почти виртуальными людьми и тщательно отредактированное, воспринимая описанные там бедствия, страдания, гибель миллионов людей сторонне, как бесцветную статистику. События же, изложенные отцом — это совсем не статистика, согласитесь....

Андрей Петрухин

ТО БЫЛО ЕЩЁ ДО ВОЙНЫ...

(Отрывок)

Дербент

И вот в 1935 году мы с мамой обосновались в совхозе имени Карла Маркса, что расположен неподалёку от Дербента. На одном из участков огромного виноградника под самой горой была разбита большущая палатка, в которую и поселили нас, несколько человек рабочих, выдав в качестве кроватей деревянные топчаны. Настоящие кровати тогда были лишь у состоятельных людей, а такая голытьба, как мы с матерью, спали на нарах с матрацами, набитыми соломой. Ещё всем выдали марлевые пологи, чтобы спастись от комаров.

При помощи больших тряпок и кусков брезента эта палатка была разгорожена на комнаты, в одной из которых мы с матерью и поселились. Спали мы с ней на одном топчане, питались кое-как хлебом с солью и иногда подсолнечным маслом. Бывало, нальёшь масла в миску, посолишь его, макаешь хлеб и ешь — вкусно...

Часто нас выручали бычки, которых я приладилась ловить в море на удочку. Море было вроде и далековато от той горы, под которой мы жили, но бойкому пацану ничего не стоило пробежать три километра. И вот я почти каждый день то с ребятами,

то один бегал рано утром на берег и через пару часов тащил уже домой кулан бычков, а бычки тогда ловились крупные да чёрные большей частью. Мать их как нажарит, да как наедемся жареной рыбы — вкуснота опять же!

Бывало, поднимался шторм, и бычки уходили от берега, так мы приноровились ловить укачанных судаков. Купаемся и смотрим, где в волнах кувырывается судак, так его, полубессознательного, хватать — и на берег...

А однажды был большой шторм, и стали мы с ребятами играть в волнах, подныривая под них. Я нырял уже неплохо, но под одну большую волну немного запоздал, и она меня как ахнула по боку — захватило дух, что еле-еле выбрался на берег. После этого случая я стал осторожнее с морем.

Работали мы с матерью на винограднике оба, она на подвязке лозы к таркалам, а я собирал пестрянку.

Как только весной распускались почки винограда, тут появлялась эта гусеница пестрянка и начинала объедать почки и молодые листья. Сейчас этого вредителя травят химикатами, а тогда собирали вручную. За самых ранних гусениц платили три копейки за штуку, потом, когда её становится больше, платили уже по копейке, а уж когда совсем много, то на копейку надо было собрать пять штук. Собирали их в консервные банки с керосином, а к вечеру сдавали бригадиру по счёту. Некоторые из нас, особенно девочки, иной раз зарабатывали на этом больше, чем взрослые.

Вот начал поспевать ранний виноград, охрана не давала к нему прохода — пацанам тем более. Самый первый виноград собирали особо доверенные люди, сразу упаковывали его в решета. Я же всё равно ухитрился забраться в виноградник, а там и сам наедался, и несколько гроздьев приносил матери. Когда же начинался массовый сбор, то тут ешь, сколько хочешь, лишь на мускат был постоянный запрет.

Как известно, что под запретом, того и хочется больше всего, и я однажды выбрал благоприятный момент и забрался в мускатный виноградник. Уселся я там под куст, а

вокруг гроздь висят, как крупные початки, длинные и такие же плотные. Ел я их так же, как едят пареную кукурузу, обгрызал вокруг, а остатки, как кочерыжку, выбрасывал.

Много я тогда съел этого муската, ел в запас, потому что не знал, придётся ли ещё его пробовать, а когда пришёл домой, принес с собой несколько кистей матери, мне вдруг стало плохо, настолько плохо, что я тут же потерял не только сегодняшнюю пищу, но, пожалуй, и позавчерашнюю. Мать, бедная, не знала, что со мной делать, но всё обошлось. На следующий день я уже был здоров, но на виноград, и не только на мускатный, не мог смотреть месяца полтора, уже потом понемногу начал есть, ведь питание состояло в основном из него и хлеба.

Заработки на винограднике были плохие; всё, что мать зарабатывала, уходило на наше скудное питание; и если ей удавалось сэкономить 3-4 рубля, то мы с ней шли семь километров в Дербент на базар. Там она покупала граммов 200–300 колбасы, а если

ливерной, то и целый килограмм, тут же мы с ней садились и ели её, а потом бродили по базару.

А на нём в те времена от одних запахов можно было слюной изойти, чего только не продавали: чуреки горячие, чебуреки и пирожки, блины и вареники, шашлыки и всякие печёнки-селезёнки, рыбу на любой вкус: жареную, пареную, вяленую и свежую. А бычки жареные стоили 10 копеек кучка из десяти-пятнадцати штук, так вот мы больше на них и нажимали, как на самое подходящее по нашему карману блюдо.

Заработки были, как я уже сказал, никудышные, их едва хватало на пропитание, в школу я так и не пошёл по причине нашей бедности.

Всё бы ещё ничего, кое-как можно было бы жить, да вот привязалась к нам с матерью малярия, да хорошо ещё, что в разное время она нас трепала, один день меня, другой день мать, позволяя нам друг за другом ухаживать. А болезнь эта такая гадкая — хуже нет.

Приступ малярии начинался часов в 10 утра: в летнюю жару ты начинаешь мёрзнуть, ложишься в постель, укрываешься с головой, на тебя наваливают все одеяла, тряпки, матрацы, а ты всё мерзнешь, зубы цокают, сжимаешься в комок, а всё равно все мышцы дрожат — и так часа два-три, а потом начинается жар. Тут долой все одеяла, тряпки, рубашки, и только успевай подавать воду, так хочется пить, а жар такой, что люди порой теряли сознание.

Во время приступа мать обычно сидела около меня, обкладывая с головы до ног влажными полотенцами, и так часа три, потом температура падала — и к вечеру ты опять здоров. А на другой день та же история вновь, но теперь с матерью.

И до того нас замучила эта малярия, что однажды мы собрали свои узелки и давай бежать прочь от неё. Приехали в Махачкалу, и тут болезнь как рукой сняло.

Перезимовали мы в Махачкале с горем пополам, сперва приютили родственники на некоторое время, а потом поселили нас в подвал портовского дома, потому что мать устроилась уборщицей в порт.

Но вот наступила весна, и нас снова потянуло в Дербент, там, что ни говори, было легче прожить. Приехали опять в тот же совхоз, на тот же участок, и всё повторилось в прежней последовательности. И когда нас снова в разгар лета доконала малярия, то мы опять решили уехать, но не в Махачкалу, а в Мамедкалу: кто-то посоветовал матери поехать туда в совхоз на уборку яблок.

И вот мы снова пошли в Дербент на станцию. В этот раз, больные, истощённые, еле волоча ноги, шли по путям железной дороги, как вдруг сзади, не останавливаясь, налетел поезд, почти из-под колёс которого мы с матерью попрыгали в разные стороны на насыпь. Когда поезд промчался, мы ещё долго приходили в себя от испуга, а потом поплелись дальше.

Придя на вокзал в Дербент, мы узнали время отправления поезда, купили билеты до Мамедкалы, один взрослый и один детский, и стали ждать. Есть хотелось невыносимо.

— Пойдём в ресторан, — сказала мать.

Пришли мы в привокзальный ресторан, сели за стол, а подошедший официант с улыбочкой и как-то насмешливо поинтересовался, что будем заказывать.

— Ты, мил человек, не смейся, — ответила ему мама, — у нас всего в кармане рубль да двадцать копеек, на которые надо прожить ещё дня три, а лучше посоветуй, чего бы нам похлебать подешевле.

Наверное, официанту стало неловко после этих слов, убавил он свой гонор и предложил нам суп с ушками, как самое дешёвое блюдо из имевшихся по 10 или 11 копеек за порцию. Ели мы тот суп и восхищались. То ли мы были настолько голодны, то ли суп действительно был очень хорош, но потом мы всю жизнь вспоминали его.

Вот подошёл поезд, мы сели в вагон и поехали, а сойти нужно было на второй остановке, но состав там лишь как-то притормозил, не остановившись, и пошёл дальше, и мы, не будучи уверены, Мамедкала это или нет, проехали мимо своей станции. Тут в вагон зашёл ревизор с проверкой билетов, а мы уже зайцы, безбилетники. Мать подала ему билеты и замерла, бедная, в ожидании,

что же будет. Ревизор, почти не глядя в документы, пробил их компостером и пошёл дальше, по-видимому, прочитав в спешке надпись Мамедкала как Махачкала.

Когда он ушёл, мать перекрестилась:
— Слава тебе, господи, пронесло.

Вот так волею случая на этот раз мы опять оказались в Махачкале, теперь уже на более долгое время. Мать снова устроилась на работу в порт уборщицей, и опять нас поселили в подвал, но уже в другой, под магазином в большом доме, который стоит напротив вокзала.

Подвал был большой, в нём жило несколько семей, и каждая семья была отгорожена простынями, бумагой, либо чем-то ещё. Такая комната была отгорожена и для нас с мамой.

На этот раз она решила-таки отдать меня учиться, и пошли мы с ней в 4-ю школу, которая тогда находилась на улице Оскара, где теперь стоит большой пятиэтажный дом, пришли к директору. Директор и учителя побеседовали с матерью, потом дали мне газету и предложили почитать. Я прочитал, что указали, и меня сразу определили во

второй класс, где я, двенадцатилетний мальчишка, оказался выше всех ростом. Там я и начал учёбу.

Читал и писал я, конечно же, лучше всех, научившись этому самоучкой, а вот арифметика стала для меня проблемой. Помню, как на третий или четвёртый день учёбы меня вызвали к доске, и учитель продиктовал:

— 17 плюс 18 сколько будет?

Я написал цифры на доске и долго стоял, думая, как же это сложить, но так и не сложил. Позднее, усердно занимаясь и выучив таблицу умножения, я немного выровнялся с классом, но всё равно арифметика навсегда осталась для меня одним из самых трудных предметов, особенно тяжело давались задачи. Забегая вперёд, скажу, что совершенно непостижимым для меня оказался ещё один школьный предмет — немецкий язык.

В том году я сумел подтянуться и закончил его с переводом в 3-й класс, в который пошёл уже на Кубани, где мать работала дояркой в молкоксовхозе.

А в Махачкалу мы приехали вновь через два года — теперь уж насовсем.

Махачкала

По приезду в Махачкалу мать по знакомым следам снова устроилась на работу в порт уборщицей, а жилищем у нас опять стал подвал. Но в этот раз в подвале мы прожили недолго, вскоре ушли на квартиру к моему двоюродному брату Андрею Данилову, так вот у него в коридоре мы и жили.

Наступила осень 1939 года, я пошёл в пятый класс в 3-ю школу, ту самую, мимо которой мы ходим всю жизнь. Учился я там совсем недолго — что-то около месяца или полутора. Стали мы изучать немецкий язык, который мне совсем не давался, начались мои невыполнения уроков, вызовы матери в школу и прочие неприятности. Я сперва держал позицию, упрямства хватало, а потом и вовсе бросил школу. Уж как ни уговаривала меня мать продолжить учёбу, не смогла — я наотрез отказался и заявил, что пойду работать.

Началось моё безделье и шатание по городу, и чтобы иметь хоть какой-то минимум для самоличных расходов, приходилось соединять приятное с полезным — подрабатывать, гуляя. Была у меня мечта — уж очень хотелось стать металлистом, то есть слесарем или токарем, и по этой причине я часто околачивался около управления завода, которому позднее присвоили имя Магомеда Гаджиева. Ходил я туда узнавать, какие у проходной висят объявления, кто требуется на работу, попутно же заглядывал на металлосвалки, каких около завода было достаточное количество, и собирал цветной металлолом. Ещё поживиться брошенным металлом, в том числе и свинцом, можно было в порту вокруг мастерских. Тогда в городе были пункты по приёму вторичного сырья: меди, бронзы, свинца, всяких тряпок, костей, старых галош, но самым ценным считался металл. Бывало, соберу да сдам металлолом — глядишь, заработал рубль-полтора. Когда металла не было, занимался рыбалкой, ловил бычков и тарашку с баржи, которую выбросило штормом на берег около «дома грузчиков» — мы жили рядом с ним.

Частенько в числе других мальчишек занимался я и рыбалкой другого рода. На

городском пляже Махачкалы в то время был рыбный промысел, на берегу стояли вкопанные в песок воротушки, которыми вытаскивали невод. Много раз случалось наблюдать, как ловят неводом рыбу, доводилось даже помогать крутить воротушку. Невод был огромный, его сначала целый день собирали на огромную байду — такую грузовую лодку. Потом ту байду тащили медленно на буксире прочь от берега одна-две вёсельные лодки — тогда моторки были ещё очень большой редкостью, и часа три-четыре ссыпали этот невод в воду, уходя в

море на километр-полтора, потом путь закругляли в обратную сторону и укладывали огромную сеть уже в направлении берега. Этим неводом огораживали с квадратный километр, а то и больше, а когда заканчивали заброс, то оба конца сети закрепляли на воротушки и начинали их вращать.

Вытаскивали невод почти так же долго, как и забрасывали, но когда подводили его поближе, то вода внутри начинала кипеть от улова, и чайки тучей кружили над ним. Когда же невод подтаскивали уже совсем к берегу, внутри него образовывался котёл, набитый рыбой, а уж тогда начинали черпать эту рыбу зюзгами — такими черпаками из сеток, и насыпать её в тачки, которые грузчики по настилам из досок возили в лабаз.

Вот тут и начиналась наша ребячья работа. На стыках настила тачки прыгали, рыба из них выпадала, а мы её хватали и складывали в свои сумки, а порой и выхватывали прямо из тачек по рыбине или по две. Иной грузчик цыкнет на тебя — убежишь, а другие молчали, даже подсказывали, какую покрупнее взять, ведь промысел от этого не обеднеет. Случалось так, что один день невод закидывали да вытаскивали, а потом два-три дня, а то и четыре вычерпывали и вывозили рыбу.

Ну а рыба тогда ловилась отменная: залом, селёдка-пузанок, вобла — теперь та-

кой нет. В рыбном магазине на Буйнакской улице, он и теперь находится на том же месте (увы, уже нет. — *Ред.*), какой только рыбы не было! Вобла солёная и копчёная, лещ в

любом виде, сазан свежий и вяленый разрезанный со спины, залом — это крупная селёдка в полметра величиной, самая жирная и самая вкусная из всех селёдок — тоже в любом виде, кутум вяленый, осетры и севрюги копчёные. Чёрная икра упаковывалась в плоские жестяные банки с крышками, на которых были нарисованы севрюги, и эти банки весом от 100 грамм до килограмма всегда лежали горками на витрине.

Видеть всё это приходилось часто, но пробовать не удавалось, так как по нашим средствам для нас самой доступной рыбой была солёная вобла, она тогда стоила по сортам что-то от 9 до 18 копеек за килограмм. Вот эту воблу мать частенько покупала, отмачивала её, отваривала, и мы ели её с картошкой, а летом с помидорами.

Ещё часто бывали в продаже сазаньи головы, которые привозили с консервного завода, стоили они совсем дёшево, кажется, 4 или 6 копеек за килограмм. Мать варила из них отличную уху, да и сами головы были очень вкусны.

Вот так и жили большей частью на хлебе, картошке и рыбе. Мясо на столе бывало нечасто, в месяц раз или два, да и не само мясо, а требуха или гусачок, но мать из этого готовила такие блюда, что язык проглотишь. Тогда эти продукты продавались в ларьке прямо на бойне, которая находилась там, где сейчас мясокомбинат; стоили они тоже дёшево, но всё же дороже сазаньих голов, и на них мать нечасто могла выкроить средства; ну а насчёт хорошего мяса нам и думать не приходилось.

Иногда мать покупала колбасу, конечно, самую дешёвую, и то грамм 200-300, а когда и полкило, и то для того, чтобы побаловать меня. Купит, бывало, себе отломит кусочек, а остальное мне — ешь, говорит, а я больше не хочу. Я, конечно, тут же, не отходя от кассы, съедал этот кусок колбасы вместе с коркой и очень удивлялся тому, что другие люди колбасу очищали либо выковыривали кусочки сала и убирали. Вызывало недоумение, как это человек выбрасывает самое вкусное, что есть в колбасе, и не может съесть такой маленький кусочек сала. Теперь всегда вспоминаю ту жизнь, когда сам

ем жареную колбасу и выковыриваю жирные кусочки.

Я тогда не был знаком с состоянием сытости, но и не задавался вопросом, почему жизнь так сложилась. Просто знал, раз уж нет денег на что-то более вкусное и хорошее, значит надо есть то, на что их хватает: хлеб, посыпанный солью и политый водой, лук, редьку, помидоры и прочую самую доступную и дешёвую снедь, принимая всё это, как должное, ни на что не сетуя и не унывая. Это была моя привычная жизнь, и я знал, что изменить её в лучшую сторону никак нельзя без денег.

1939 год

Случилось это на базаре, который был около церкви, стоявшей тогда рядом с площадью Ленина около почты.

В какой-то день болтался я там бесцельно и познакомился с одним пацаном по имени Абакар. Поболтали мы с ним о том о сём, тут он и говорит:

— Пойдём теперь работать.

— Куда, — спросил я, думая действительно про работу.

— Идём по прилавкам ударим.

Тут я понял, что он мне предлагает, и начал отказываться.

— Да ты не бойся, для тебя никакой опасности нет, — сказал Абакар, — будешь ходить по рядам и отвлекать внимание торговки, больше от тебя ничего не требуется.

— Ну раз так, то пошли.

И вот гулял я с лицевой стороны прилавков, прицениваясь к разным фруктам и овощам, а он в это время ходил с тыльной стороны. У торговки и сейчас есть манера класть деньги прямо на прилавок под газету — то мелочь, а то и бумажные рубли; и пока я спрашивал цену, шупал товар, пробовав, Абакар извлекал из-под газет деньги.

В первый день мы немного «поработали» и ушли с базара. Абакар из украденного выделил мне что-то. Договорились «работать» и завтра.

На следующий день начали так же, как и вчера, но торговки, видать, обнаружили

вчерашние убытки, догадались, кто в этом виноват, и, увидав нас, стали орать:

— Вот они, лови их!

Мы, не раздумывая, давай драпать оттуда.

После этого Абакар стал звать меня на дальний базар, так тогда называли Первый рынок, но я отказался под предлогом того, что далеко очень. Так наше совместное предприятие закончилось. Встречались мы с ним тогда ещё несколько раз как знакомые, но «деловых предложений» он мне уже не делал, наверное, нашёл другого подручного.

Забегая очень далеко вперёд, скажу, что уже после войны, после того как я демобилизовался, попал однажды на Первый рынок вместе с Виктором Д., который тогда был налоговым инспектором горфинотдела. Он держал в руках всех сапожников, портных и прочих ремесленников, знал на базаре всех и имел дела с дирекцией.

Зашли мы с ним к директору рынка, уса-

тому невысокого роста мужику, поздоровались, и Виктор назвал его Абакаром. Лицо его показалось мне очень знакомым, но вспомнить точнее я не смог. Он тоже смотрел на меня, но не признал.

Меня долго мучил вопрос, откуда я знаю того человека, директора рынка, откуда не припомнился случай на базаре из далёкого предвоенного года. Когда в следующий

раз, опять же с Виктором, я снова попал к этому Абакару, то спросил, не вспомнил ли он меня, и после отрицательного ответа напомнил ему историю с торговками. Ему стало вроде и неловко перед Виктором за этот случай из прошлого, но всё равно мы посмеялись от души над тем, как от базар-

но вся наша повседневная жизнь с матерью измерялась копейками. В случае выигрыша я прекращал играть, как и при проигрыше, желая сохранить добытое.

Дом, в котором мы жили, стоял последним в ряду, да ещё был немного прикрыт углом вышестоящего предпоследнего дома — как раз на том месте начинается поворот дороги. Дом и теперь стоит там же, но он уже не крайний на улице, которая с тех пор застроилась; тогда же вся Анджи-Арка была пустой, и напротив находился каменный карьер.

Рядом метрах в семидесяти по дороге к городу находился туннель, который пробили вглубь на полгоры в направлении Вейнеровского парка. Говорили, что хотят сделать подземный проход для пешеходов под нашей Анджи-Аркой, и если бы его сделали, то этот туннель, пожалуй, оказался бы прямо под нашим теперешним домом.

В туннеле в то время был притон всякого сброда. Иногда милиция устраивала облавы и оттуда вывозили по 30–40 человек шпаны; и наша крайняя хата всегда была под их наблюдением. Выследить нас с матерью, да, собственно, меня одного ничего не стоило. Все взрослые уходили на работу, ну а мы с Шуриком разве могли усидеть дома? У нас было множество дел поважнее. Случилось несколько краж, возможно, эти случаи послужили причиной перехода матери на другую работу. Она устроилась сторожить вулканизационную мастерскую от известкового завода, и нам дали квартиру в бараке этого завода.

Вулканизация — так называли саму мастерскую, стояла метрах в пятидесяти от барака около торца тюремного забора со стороны, противоположной вокзалу, почти рядом с верхним углом огорода нашего соседа Гимбата. Вся гора вокруг тюрьмы вплоть до 3-й школы была тогда пустой, только после войны там стали раздавать участки под застройку.

ного воришки человек вырос до директора базара.

Я тогда несколько раз делал попытки устроиться куда-нибудь учеником слесаря или токаря, но на заводе Гаджиева и в порту со мной сразу прекращали разговор, как только узнавали, что образование моё закончилось четырьмя классами. Будь у меня за плечами хоть классов семь, то могли бы принять в ученики.

Думаете, я тогда жалел, что бросил школу или задумался о продолжении учёбы? Ничего подобного, даже мысль об этом не приходила в голову, я продолжал болтаться без дела, играл в альчики и в джйй на деньги, пробовал даже в карты в «двадцать одно». Случалось и выигрывать, и проигрывать, но я никогда не входил в азарт даже при выигрыше, всегда умел вовремя остановиться, наслушавшись легенд о том, как люди проигрывали в джйй дома и жён. Ценного имущества у меня тогда не было, но был опасен любой проигрыш, хотя играть приходилось по мелочи, от копеек до трёх-пяти рублей,

Магомед Бисавалиев

Газават, превращённый в грабёж

Смута началась в конце эпохи Шамиля, в 1859 году. Прекратилась Кавказская война. Дети войны, что не умели ничего, кроме как воевать, остались не у дел, но с оружием в руках. Сперва они искали пути для грабежа, ссылаясь на религию. Их последователи, выпав из шариатского правового поля, уже не утруждали себя никакими ссылками. Стали грабить всех без разбору.

Об этом была статья моего отца в журнале «Истина» в конце 90-х. Называлась она «Гъарачильялде сверараб гъазават» (Газават, превращённый в грабёж). Я перескажу её с некоторыми дополнительными подробностями. Необходимость этого вы поймёте позже.

Банда состояла из семи человек. Их лидером был некий МухаммадГали из Тлейсеруха. Был там его племянник Пахрудин, Бахьал Абдулмажид из Тлебелуба, Шуайб и ещё три человека. Жили они на нелегальном положении в лесах Цора. У них не было ни семьи, ни дома, что было их преимуществом перед обычным человеком, они могли застрелить любого и уйти в лес.

Путников, направлявшихся из Цора в горы, они грабили, а у чабанов, которые спускались на зимовку в Кахетию, забирали овец. Был такой зульм (насилие). Никто не решался в одиночку противостоять этой банде. Чтобы избежать столкновения с бандитами, в Цор и обратно путники добирались обходными путями.

Лишь один человек смело отправлялся в путь и шёл по главной дороге без оглядки. Звали его Мохол Хасанил Иляс. Родом из Камилуха, он, говорят, был метким стрелком, человеком отчаянной дерзости и не знал страха. Иляс отправил весть главарю банды МухаммадГали: «С глазу на глаз с любым из вас встретиться и воевать готов я. И вряд ли кто-либо из вас вернётся живым с этой встречи. Но стрелять из-за угла или из лесу я считаю большой подлостью и трусостью. Я не намерен, как другие, менять свой маршрут в Цор. Кто хочет мне запретить это, пусть выйдет навстречу».

Весть эта дошла до МухаммадГали. Позже он рассказывал: «Трижды я целился из лесу прямо в сердце Иляса из Камилуха, но

не выстрелил. Мне жалко было убивать этого мужчину, и я пропустил его».

Говорят, однажды МухаммадГали и Иляс встретились один на один на лошадях в местности Ахтлимал. Иляс молча проследовал по своей тропе на лошади мимо МухаммадГали. Через метров пятьдесят МухаммадГали остановился и долго смотрел в след удаляющегося Иляса, держа его на прицеле. Расчёт был выстрелить, если тот обернётся; но не обернулся Иляс, и не выстрелил МухаммадГали. Это был неписанный закон гор — не стрелять в спину.

Позже, в 30-е годы, группу МухаммадГали ликвидировала ЧК.

Их окружили в лесу Цора и расстреляли. Первым убили МухаммадГали. Пахрудин спасся бегством. Бахъал Абдулмажид из Тлебелуба был загнан в пещеру и окружён. Его уговаривали сдаться, но он не вышел — достал пандур и запел. Чекисты, окружившие пещеру, опустили оружие и слушали эту последнюю песню своего врага.

И сейчас молодцы Антратля наигрывают на пандуре эту мелодию, поют эту песню. Она так и называется — песня Бахъал Абдулмажида. Помню несколько строк из неё:

**Белокан, Къабагъчол ва Галиабад,
Дилъа хIетIе лъечIаб бакIгу бугудай?
Бехе Даначидул чIахIаял рохъал,
Дилъа чу бухъичIеб гъветIгу бугудай?**

В песне был печальный мотив ожидания своего конца и перечисления мест, где он блуждал в молодости. Звучит примерно так:

Белокан, Кабахчель и Алиабад,
Есть ли клочок,
 где бы ни ступала нога моя?
Густые и тёмные леса Алиабада,
Найдётся ль дерево,
 куда я коня не привязал?

Он так и не вышел. Чекисты забросали пещеру гранатами. Вот так была окончательно установлена советская власть в горах Джурмута и в лесах Джаро-Белоканов. Из всей банды спасся только Пахрудин, сумел убежать. Но позже был пойман работника-

ми НКВД. А у НКВД Пахрудина выкупил брат убитого им гортнобца. Всё подстроили так, будто его застрелили во время побега. Справедливости ради надо сказать, смерть он встретил достойно. Человек, который выкупил его, направил на него пистолет и спросил:

— Скажи, Пахрудин, тот день лучше был, когда ты моего брата застрелил, или сегодняшний?

У Пахрудина на лице ни один мускул не дрогнул, глядя убийце в глаза, он ответил:

— И тот день был хорош, и сегодня неплохой. Ты этот вопрос мог мне задать в лесах Цора, где я убил твоего брата, а не тут, в окружении вооружённых чекистов.

Гортнобец выстрелил и убил Пахрудина. Произошло это возле реки Джурмут, недалеко от местности Тамара майдан. Там по сей день его могила, и называется это место Пахрудин чIвараб гIорхъу (поляна, где убит Пахрудин). Мужественная смерть. Пролитая кровь смыла в глазах общественности все подлости и злодеяния, которые совершал этот человек десятилетиями.

Меня поражает в характере горцев одна черта. Любая подлость прощается человеку, если он характером твёрд и мужественен. И какими бы мастерством, умом, добродетелью человек ни отличался, не заслужит он уважения, если труслив.

Это показательный пример того, как началась героизация вчерашних бандитов. В народе и сегодня исполняют предсмертную песню одного из бандитов; слова другого, сказанные перед дулом пистолета, также повторяют и помнят потомки. И не только. Им посвящают песни, например, поэт Антратля — УхI МухIама. Он был повеса, гуляка, воровал, сидел в тюрьме и совершил побег оттуда. Вот его песня:

**БецIал сардал хIалай ккун,
АхIлъимаздеги рахъун,
БахIарзал сверун ккуна
ЧКялъул малгIуназ.
Къокъаялъул цевехъан
МухIаммадГали чIвана,
Пирхараб пири гIадин
Пахрудин тIагIун ана...**

В подстрочном переводе звучит примерно так:

С помощью тёмных ночей,
Поднявшись до Ахтлимала,
Окружили молодцев тайно
Малбуны (кяфиры ЧК).
Выстрелом тайным убили
Предводителя МухаммадГали
Пахрудин, словно вспышка молнии,
Исчез из виду гяуров.

Тут очень образно и красиво описан конец банды. Бандиты названы героями, чекисты — малбунами, кяфирами. Как автор этой песни не попал в сети КГБ, остаётся большой загадкой. Но она заслонила собой реальную историю. И молодые приняли её — ведь им красиво рассказали о мужестве. Мужестве воина, проявленном в бою. Личная отвага вдруг стала важнее Всевыш-

него и его заветов, важнее порядочности, богобоязненности, верности, важнее ума, достоинства, нравственности. Человек в этой песне — всего лишь оружие, не знающее страха и сомнений. Как сабля, кинжал, ружьё. Если превыше всего в обществе начинают ценить именно такие качества — быть войне. И это страшно.

P.S. Мы тут упустили из виду Иляса из Камилуха, о котором я упоминал в начале повествования. У вас не возник вопрос, почему бандиты так церемонились с ним, почему не стреляли в него? Чем заслужил такое уважение Мохол Хасанил Иляс из Камилуха?

Случилась одна история за двадцать с лишним лет до этих событий, которая прославил Иляса во всем Антратле, в Джаро-Белокане, и в Грузии особенно. А что это за история я сейчас расскажу.

Иляс из Камилуха и Реваз из Кахетии

Как рассказывают в Камилухе, у некоего Мохлол Хасана было четыре сына. Сам Мохлол Хасан был небогат, но если есть лошади, есть оружие и те, кто готов на дерзкие вылазки, — это дело поправимое. Была ранняя осень 1913 года. Четверо молодых и твёрдых духом молодых решили на набег. Хотелось совершить подвиг и вернуться в горы со славой и табуном лошадей. В то время в Кахетии жил богатый грузин по имени Реваз. Он имел отары овец, стада быков. Особо известны были его табуны с жеребцами-иноходцами гнедой масти.

Сам Реваз был человеком сурового нрава, мужественным, щедрым и благородным. Стрелял метко, духом был силён. Мало кто решался покуситься на его добро, хотя времена были беспокойные. А для молодых джурмутцев не было никаких авторитетов. По их мнению, забрать у неверного не только дозволено, это ещё весьма похвальное, богоугодное и праведное дело. За это они должны были получить признание и славу в этой жизни, и довольство и воздаяние перед Аллахом в жизни загробной.

Под покровом ночи камилухцы добрались до стоянки табуна Реваза. Застрелили конюхов и угнали в горы лошадей. К полудню перешли перевал за Закаталами и держали путь в сторону Джурмута. До аула оставалось меньше пяти вёрст. Довольные удачным походом, они загнали лошадей на поляну и, положив на землю винтовки, спустились к речке, чтобы совершить предзакатную молитву. Когда они делали омовение, раздался выстрел, эхом раскатившийся по отвесным скалам и ущельям. За их спинами в двадцати шагах стоял сам Реваз с длинной пятизарядной винтовкой.

Он был очень метким, и пули били в десяти сантиметрах у ног камилухцев. Это означало: «Я не хочу вас убивать, уходите отсю-

да». Братья бросились бежать и оглянулись только, когда перешли речку. На другом берегу Реваз поднял их винтовки и крикнул:

— Я мог застрелить каждого из вас, как цыплёнка. Но дарю вам жизнь с надеждой, что вы больше не станете покушаться на моё имущество. Оружие забираю, ибо не уверен, что вы не будете стрелять в меня.

Реваз со своим табуном направился в сторону Кахетии. Братья оказались в ужасном положении. Без оружия преследовать Реваза опасно. Вернуться в аул без коней и оружия — несмыслимый позор на целые поколения. Как быть, куда идти, каков выход? Они были в полной растерянности. Старший сказал, что единственный выход — добраться как можно быстрее до аула, вооружиться, найти лошадей и догнать Реваза.

— Лучше сложить свои головы в бою, чем навлечь позор на наш род. Реваз не рискнёт передвигаться ночью, он испугается засады. Да и не успеет за ночь, а завтра в течение дня мы его догоним и отобьём лошадей. Если не успеем, хоть до самой Кахетии дойдём, но что-нибудь отобьём — другого выхода нет.

Когда четверо братьев поднимались во двор, их мать возвращалась с сенокоса.

Она приняла их за гостей, которые идут из Цора, такие часто останавливались в Камилухе. Только когда незнакомцы приблизились к порогу, она узнала в них своих сыновей. Но никак не могла поверить, что её молодцы вернулись без коней и оружия.

Три брата молча седлали коней. Она обратилась к среднему сыну:

— Иляс, что происходит? Почему у тебя не твоя винтовка? Где твоя лошадь? Где оружие и лошади моих сыновей?! — кричала мать в отчаянии.

Как рассказывают, она была жёсткая и властная женщина.

Сын был вынужден ответить:

— Когда мы молились, грузины угнали наших лошадей и забрали оружие, бабу (мама). Далеко они не пойдут, на рассвете мы вернёмся со своим оружием и табуном.

Мать, словно лишившись сил, тяжело села на ступеньку.

— Валлагьи, я слезинку не проронила бы, если бы вместо вас мне принесли четыре жаназа (тела убитых), лучше бы вам умереть, чем вернуться с этим позором.

— Будет, бабу, всё. Завтра на рассвете ты получишь или сыновей с добычей или четыре тела, нам другой дороги нет, — сказал Иляс, ударил плетью коня и направился с братьями в путь.

Всю ночь скакали братья через горы и долины, через реки и ущелья. Рассвело. Через перевал в сторону Закаталы направились братья. Дорога шла на небольшой холм, оттуда они должны были спуститься на плато. Дальше через густые леса дорога вела вниз в сторону Алазанской долины.

Впереди скакал старший из братьев. Когда приблизились к холму, он оглянулся на братьев. Осенние лучи солнца золотом окрасили вершины дальних гор. Была чудная погода, и всё вокруг торопилось

дышать, жить, радоваться оставшимся тёплым дням перед наступлением зимы. Братьям было не до солнца и не до радости. Собственная дерзость загнала их в ловушку. Даже мать родная, которая жалеет собственных сыновей больше всех на свете, не оставила иного пути — надо было поскорей покончить или с позором или с жизнью.

Гнедой конь старшего брата исчез за поворотом. Раздался выстрел, умножился эхом, пронёсся по горам. Братья схватились за ружья и помчались на выручку. Раздался второй выстрел. Иляс понял, что там засада, резко спрыгнул с коня и осторожно высунулся с винтовкой.

Он увидел ужасную картину. Старший брат лежал на тропинке, его шея и лицо были окровавлены, полуоткрытые глаза уставились в небо. Раздался третий выстрел, и пуля пробила правое плечо Иляса. Он понял, что если выйти, то всех перебьют, сделал знак младшему брату, чтобы не высовывался. Спустился чуть ниже, выглянул из-под кустов и увидел, что второй брат, выронив уздечку, навалился на шею лошади, а та ржёт, дёргая головой из стороны в сторону, и уносит его в сторону леса. Понял Иляс, что и второй брат убит. Подозвал к себе младшего, надел на палку папаху и дал брату, чтобы высунулся. Раздался выстрел, папаху пробило. Зато Иляс узнал, откуда стреляют.

По его расчёту, в винтовке врага оставался последний патрон. Четыре выстрела уже было. Иляс решил обойти гору и выйти на Реваза с другой стороны. Младшему брату показал место, откуда тот должен был опять выставить папаху, спровоцировав пятый выстрел. Всё пошло по плану. Раздался пятый выстрел в папаху. Иляс знал, чтобы поменять магазин, Ревазу нужно будет время. Он встал во весь рост и побежал прямо в сторону стрелка. Когда он завернул за поворот, Реваз уже почти перезарядил винтовку, но уронил последнюю пулю. Загнать её

в магазин он не успел, раздался выстрел Иляса. Реваз схватился за живот. Сквозь пальцы начала просачиваться кровь, капая на щебень и окрашивая его в густой багровый цвет.

Реваз упал на колени и потянулся к винтовке. Иляс смотрел, удивляясь его живучести и воле. Через мгновение появился младший брат Иляса и, выхватив кинжал, коршуном налетел на Реваза. Он бил беспорядочно, яростно, не глядя, куда попадает, по шее, по лицу, по голове. Бездыханное тело Реваза покатилося вниз, голова держалась на недорубленных сухожилиях.

Иляс направился к убитым братьям. Старшего уложил на ровное место, другого — рядом со старшим. Рукой закрыл им глаза и накинул чобосы на их лица*.

В метрах пятидесяти раздался выстрел. Один, два, много выстрелов. Иляс схватил винтовку и бросился туда. Открылась страшная картина. Все семь лошадей Реваза были расстреляны, а рядом с трупами, обхватив руками голову, сидел младший брат и смотрел в одну точку. Иляс обнял брата, поднял его и сказал:

— Нам пора, на выстрелы могут прийти.

Они направились к телам убитых братьев. Но через несколько минут младший брат побежал обратно, будто что-то забыл. Вернулся он, пряча что-то за пазухой. Иляс повернул брата к себе. «Покажи», — сказал он. Младший показал. За пазухой у него была голова Реваза. На Иляса смотрели два больших мёртвых глаза на разбитом окровавленном лице. Иляс взял эту страшную голову, вернулся к телу Реваза и положил её рядом с ним. На мгновение остановился и сказал брату:

— Реваз был настоящий мужчина. Таких надо уважать. Была бы сейчас у меня возможность, я бы его по-человечески предал земле.

Когда к вечеру во двор МохЮл Хасана привезли тела двух убитых молодцев, мать вышла навстречу. Женский плач и причитания поплыли над селом. И только одного голоса не было в этом хоре. Голоса матери. Когда кто-то осмелился спросить, как она себя чувствует, то услышал:

— Сегодня чуть лучше. Хуже было вчера, когда мои сыновья вернулись домой без коней и оружия.

После этого в Джурмуте появилось выражение: «Сегодня лучше, сказала камилахка, у которой убили двух сыновей».

И опять перед нами вопрос, что должно войти в народную память и формировать нашу ментальность? Слова матери, которая сама погнала детей на погибель, предпочла носить траур по сыновьям, а не видеть их живыми, но потерпевшими позорное поражение. Или поступок одного из этих сыновей, который, рискуя жизнью, вернулся к телу своего врага, потому что достойный соперник заслуживает уважения. Не знаю я. И вы, наверное, не знаете.

* Чобос – укороченный, упрощённый, в сравнении с буркой, вид теплой накидки.

Страсть к морю

Ахмедхан Зирихгеран

Я жил в Морском переулке. Да, он так и называется. Но о нём мало кто знает, хотя вроде бы город у нас приморский. Нет у нас ни Штормовых улиц, ни Прибойных переулков. Ну хотя бы проезд Лещей или проспект Чёрной икры был бы, что ли. Ха-ха. Зная, какой у нас народ, я думаю, что в проезде Лещей всем бы этих самых лещей бы и раздавали, а на проспекте Чёрной икры жили бы самые крутые мафиози. Мой Морской переулок есть, да улица Приморская неподалёку. Раз-два и обчёлся. Фигня, в общем. Ах да, ещё рядом со мной дом-корабль, который, как говорят, построил себе перс-моряк на старости лет.

...Из моего окошка видно порт и море. Море было то бирюзовым, то серым. Но оно было, было рядом. И, проснувшись утром, когда не надо было идти в школу, закинув в желудок горбушку хлеба с куском масла сверху, — намазать ножом терпения не хватало, я бегом нёсся вниз к морю. Миновал железку, бежал по Портовскому шоссе в рыбный порт. Забора как такового не было, и я пробирался на какое-нибудь пустое судно и представлял себя капитаном.

Рядом была и военная база. У нас же городок маленький — всё рядом, всё близко. Мне так хотелось пробраться на военные корабли. И это было, наверное, возможно, подплыть — всего ничего. Но я понимал: поймают и отведут к родителям, тогда прощай прогулки в порт. И я грустно любовался на военные корабли и матросов, изредка махая приветливым матросикам рукой.

Часами я стоял у корабельного компаса в рубке какого-нибудь из судов. Я пока не понимал особо его устройства, но твёрдо решил добыть книжки и прочитать. Или спросить у кого.

Постепенно я освоил все заброшенные и не очень, но пустынные кораблики у берега, и, конечно же, мне хотелось в море, а не стоять у берега и мечтать. На меня в порту мало обращали внимания. Думали, наверное, что я чей-то сын, и я мог ходить куда угодно. Главное, не пробираться украдкой, а идти смело. Как к себе домой. Раз, и ты уже на борту. А если отшвартуется, что тогда? Сигану за борт, благо плавал я как рыба. Всего и делов.

И ведь так и случилось. Я был на борту сухогруза, когда понял, что он отчалил и уходит. С кормы прыгать нельзя, затянет под винты. А может, и нет, но я где-то об этом читал. И, пробежав мимо испуганного матроса на середину корабля, я прыгнул в воду. Он было заорал что-то типа «человек за бортом!», но, увидев, что я спокойно плыву, замолк. Я помахал ему рукой и резво поплыл к берегу. В порт решил не соваться, мало ли кто там видел мой прыжок. Хватит с меня на сегодня приключений, подумал я, и, выбравшись на берег у маяка, направился по узкой полоске волнолома на пляж.

Жара. Пока неспешно прогуляюсь по пляжу, обсохну, а потом айда домой. А то что-то голод подступает...

— Паря, у тебя шо, трусов нет?

Ехидный окрик вывел меня из полусна. Это был дядя Сёма, старый одинокий мужик, живший совсем недалеко от меня. Он был с удочками.

— В одежке чё нырлял-то? Или рыбку золотую увидел да поймать хотел? — улыбался он.

— Ну, тепер вы попытайтесь поймать её, дядь Сём, — передразнил его я.

— Идём со мной, — предложил он, — у меня аж три удочки, мож, чё поймаем. Ты рыбачишь?

— Нее, никогда ещё, у меня удочки нет.

— Ну чего ж ты так? — ухмыльнулся Сёма. — В порт бегаешь вон каждый день, а рыбку не ловишь. Сразу хочешь сетями?

Дядя Сёма засмеялся.

— Идём, — сказал он и пошёл по пляжу.

Мы шли по самому краю прибоя, в море было полно купающихся. Мы, одетые, как то необычно выглядели в этом голом мире. Но постепенно песчаный пляж закончился и пошли огромные валуны. На камнях то тут, то там торчали удочки и мужики. Перездоровавшись со всеми, мы выбрали свободное местечко

— На, держи, — вручил мне одну из удочек Сёма.

Я впервые держал в руках удочку и не знал, что и как с ней делать. Пока я её рассматривал, дядя Сёма закрепил две другие и принял за мою.

— А можно я эту крепить не буду, а буду сам ловить? — попросил я.

— Давай, — согласился он и улыбнулся. — Устанешь только. Ну тебе так интереснее, конечно.

Ловить мы стали на кукурузу, черви тоже были, но, видимо, мало, и их Сёма оставил себе. Я настроился было на долгое сидение, но как-то попёрло, что скучать не пришлось. Наловили кучу бычков, несколько тарашек, двух окуней и даже одну кефаль. Время пролетело незаметно, я давно обсох. Ведёрко, которое принёс с собой Сёма, было полным.

— Да тебя с собой на рыбалку брать — святое дело! — довольно шурился Сёма. — Лады, надо и пообедать, — сказал он, доставая из сумки сковородку и эмалированную чашку. — Ты беги, насобирай палок, а я пока почищу пару-тройку.

— Да у вас всё готово! — обрадовался я, наблюдая, как он достал складной перочинный ножик и умело разделявает наиболее крупные тушки.

— А ты думал, — засмеялся он. — Мне, что, отсюда в столовку ходить? Сковородка да маслице, всего и делов.

Я побежал по берегу, меж камней то тут, то там попадались дощечки да коряги. Разведя костерок под камнями, мы пожарили целую сковородку.

— Везёт тебе с морем, или море любит тебя, — философствовал Сёма. — Редко такая рыбалка бывает.

— Да, я хочу в море ходить, — мечтательно произнёс я, наблюдая вдали проплывающий корабль. — А когда буду на берегу, то буду с вами тут рыбачить.

— Рыбалка дело хорошее, — согласился он, — успокаивает, и пропитание опять же. Вот я пенсию не трачу, считай, на еду. Из того, что наловил, половину продам сейчас, хлеб куплю, то, сё. Ты тож, чем в порту пропадать, на рыбалку ходи. Времени ж много, лето, каникулы.

— А я и туда и сюда успею, — уверенно сказал я.

— А удочку я тебе дам, — пообещал Сёма. — Есть у меня в сарае, вполне рабочая.

Сытые, мы, неспешно пробираясь меж камней, поднялись с моря наверх. Через забитый народом парк прошли на свой район. Открыв скрипучую дверь старого сарая, Сёма достал покрытую толстым слоем пыли удочку. Протёр её какой-то тряпкой и вручил мне:

— Держи, рыбац.

Оттуда же вытащил маленькое ведёрко, сполоснул во дворе под краном и закинул мне несколько рыбёшек из своего.

— Не надо, дядь Сём, — запротестовал я.

— Да ты молчи, — успокоил он меня. — С тобой у меня сегодня улов шикарный был. А так ты мамку обрадуешь. Чай не зря весь день пропадал не пойми где.

И я побежал домой, представляя, как буду вручать рыбу мамке, и её радость, что её сынок хоть что-то принёс в дом.

Что ни говори, удачно я нырнул с корабля. Посейдон меня заметил.

Гамзат Изудинов

На Харидском перевале

(Маленькая повесть)

... Чанакан превращался в снеговика. Падающий снег подхватывал сильный ветер и нёс по суровым горам. Ветер подметал снег со склонов и собирал его в сугробы у краёв ущелий, на лугах, у выступов скал.

Дорогу невозможно было различить. Гребень горы, склон были полностью покрыты снежными сугробами. Видимость была только на расстоянии нескольких метров. Густой туман обволакивал всё вокруг, затмив весь белый свет.

Первая лавина. Снежная буря

Чанакан, выехавший утром из Хасавюрта, целый день потерял здесь, на полпути, попав в снежный плен. Видавший виды ве-

здеход УАЗ–3151 застрял в снежном мареве. Как пастух в туманный день на урочище Аракмеэр, Чанакан заблудился, он потерял чувство пространства и не имел представления о том, до какого места добрался.

Путник выбрался из машины. За несколько секунд, проведённых в ревущей, клокочущей, бушующей буре, Чанакан чуть не превратился в снеговика и сосульку. Каракулеву папаху, дублёнку, утеплённые брюки и зимние сапожки — всю одежду путника метель побелила молочным цветом. Чанакан покрылся снежинками, как саваном. Щетину, только наполовину тронутую сединой, пурга покрасила в белоснежный цвет. Не прошло и несколько минут, как ресницы и брови путника приняли окраску белой стихии. Сегодня здесь

природа не принимала иные краски, кроме белой.

Вместе с путником путешествовали его дети, 21-летний Маххулав и 19-летняя Меседо. Учитель истории Чанакан вспомнил все предания, сказания, сказки и свидетельства летописцев, связанные с Харибским перевалом. «Лишь бы не сошла лавина», — подумал Чанакан и поспешно забрался в машину.

Чанакан впал в забытие и... попал во временно-пространственную бурю, вместе с детьми и машиной очутился в XIV веке, размотав клубок и преодолев расстояние более шестиста лет.

Вторая лавина. Толмач Хохолав

— За то, что в Анди и Усиша молотили людей на гумне, за то, что творили зверства и бесчинства в Стране гор, сегодня горы мстят вам! — прокричал в бурю против ветра Чанакан, глядя на отряды войск Тамерлана, мёрзнувшие, как отары овец, на Харибском перевале.

С нескрываемым удивлением смотрели на Чанакана, его детей и машину воины Тамерлана, закованные в кольчуги, с саблями наперевес, покрытые снегом и льдом. Толмач-аварец, находившийся среди завоевателей, понял смысл слов. Однако странный наряд трёх путников и железная арба удивительной формы рядом с ними никак не укладывались в привычный мир толмача Хохолава. Не поверив своим глазам, он протёр их и опять уставился на вдруг и ниоткуда появившихся путников, в недоумении, с расширенными зрачками. «Не шайтаны ли вселились в этих троих?!» — подумал Хохолав. Толмач и несколько воинов повели Чанакана и его детей к ставке самого Хромого Тамерлана.

Нукеры тирана Востока проверили путников на наличие оружия. Весь внешний вид, облик, поведение неизвестных служили почвой для сомнений, недоверия, неся с собою возможную угрозу из-за необычности и странности. Воины Тамерлана не понимали, для каких целей служат личные вещи

отца и детей. Несколько нукеров внимательно рассмотрели, повертели в руках мобильные телефоны путников. Подумав, что вряд ли можно такими безделушками нанести вред человеку, охрана грозного завоевателя вернула телефоны их хозяевам. Когда трое путников вошли в подземное помещение, наспех превращённое в ставку Тамерлана, Маххулав отправил СМС-сообщение своему другу в XXI век: «Нас повели к Хромому Тамерлану».

Третья лавина.

История, написанная кинжалом и пером

Железный Хромец, завоевавший пол-Азии и пол-Европы, сразу бросался в глаза среди других военачальников и полководцев. Воины Тамерлана таскали его трон и в походах. Гордо восседал на престоле безжалостный завоеватель из Азии. На золотую корону Тамерлана была надета косматая, большая папаха из овчины, так как на снежном перевале пронизывал холод, как на земле вечной мерзлоты. На нём также был овчинный тулуп, на ногах сапоги отменной кожи. Хотя в этой небольшой подземной сакле в очаге горел огонь, казалось, будто ревущая и бушующая во всей округе снежная буря вот-вот снесёт даже этот каменный домик.

Чанакан смотрел в глаза Железному Хромому. На морщинистом лице полководца читалось надменное выражение властителя, привыкшего повелевать чужими жизнями. Заходя в ставку, все делали низкий поклон перед завоевателем. Чанакану и его детям принципы не позволяли кланяться властителям, и они не исполнили этот ритуал. На ломаном узбекском языке толмач Хохолав сказал Тамерлану несколько слов о ново-прибывших.

Тимур заявил следующее (позже толмач перевёл смысл его слов взявшей словно ниоткуда тройке):

— Я Тимур ибн Тарагай Барлас — властелин половины мира, жаждущий быть повелителем всего мира! Хан Золотой Орды Тохтамыш отказался подчиниться мне. Этот сошедший с верного пути хан понял, что

ему не сломать мощь моих войск. Города и сёла, поддержавшие оступившегося хана, я предал огню и мечу, сжёг, непокорившихся я смолотил на гумне. Они испытали на себе всю силу, могущество непобедимого Тимура ибн Тарагай Барласа! Пожар зажжённых мною огней сжигает вашу Страну гор! Сильно укрепленные города и крепости я взял хитростью и обманом. Пусть Тохтамыш увидит, как я разрушаю его государство! Везде я оставляю пирамиды из голов всех приспешников Тохтамыша, в том числе и в Стране гор! Моим войскам не удавалось взять город Алмак. Этот город-крепость защищали семь тысяч воинов. Они отчаянно бились. Тогда я прибегнул к военной хитрости: разослал лазутчиков, благодаря которым разузнал слабые места осажденных и смог покорить их. Мы перекрыли родники защитникам крепости. Не павшие ниц перед повелителем половины мира алмакцы испытали на себе всю мою ярость, они понесли заслуженное наказание! Измученные, утомленные, оставшиеся без воды алмакцы попросили мира и согласились открыть крепостные ворота на условиях сохранности города и горожан. Однако я не сдержал своего слова и обрушил свои орды на этот несчастный город. Мои храбрые воины сравнивали Алмак с землей, большую часть жителей крепости мы истребили, некоторых взяли в плен, часть горожан убежала. Нельзя перечить Великому Тамерлану и выступать против него! Вы сейчас в моей ставке и не склоняете голову предо мною! Голова, которая не склонилась предо мною в смиренности и благоговении, будет водружена на шест!

— Твое лицо с первого взгляда вызвало во мне неприязнь! — ответил Чанакан Тамерлану (толмач потом всё перевёл завоевателю подробно и детально). — Зверства, учинённые тобой и твоими головорезами в Стране гор, не забыли горцы и всё человечество даже спустя шестьсот лет. Новым поколениям горцев я преподаю уроки истории, рассказывая о вероломстве и жестокости твоих походов и самоотверженности, беззаветной любви к своей родине жителей наших гор. Тимур, возродивший Самарканд

и Бухару, покровитель наук, дед астронома Улугбека, построившего знаменитую обсерваторию, оставил на земле кровавый след. И сейчас в Стране гор аксакалы рассказывают о нём новым поколениям горцев. Ты не победил! Ты проиграл! Следы твоей жестокости, оставленные в Стране гор, свидетельствуют против тебя; они говорят, что ты ради мести — разорить, разбить не подчинившегося тебе Тохтамыша и его Золотую Орду — убил тысячи ни в чём не повинных детей, женщин, стариков, разрушил и сжёг города и аулы Страны гор. Ты жёг нашу родину, но она не превратилась в пепел, она возродилась, как Феникс из пламени. Разрушенные твоими воинами города, крепости и селения мы отстроили заново. Ты и твои палачи покинули наши земли. Здесь тысячелетиями живут и созидают хозяева этих земель — народы Страны гор. Разбить сады на скалах и пахать поля на утёсах могут только жители этих гор!

Четвёртая лавина. Учитель Улугбека Каримбей

Когда толмач перевёл слова Чанакана с аварского на узбекский, Тамерлана обуял гнев. Грозный завоеватель собирался отдать приказ снести головы странным гостям из XXI века, но вмешался учитель Улугбека, советник и мирза Хромого Тимура, Каримбей. Он вышел вперёд и обратился к своему повелителю:

— О, великий эмир Тимур ибн Тарагай Барлас! В исторических изысканиях этот учитель может нам помочь. Несмотря на дерзновенные высказывания, сохранение ему жизни принесёт больше пользы твоей империи, чем его казнь, о, великий повелитель, великий эмир Тимур ибн Тарагай Барлас!

— Убери их с глаз моих! Когда воины моих отрядов гибнут от снежной бури и схода лавин, мне ещё не хватало гордых речей этого путника!!!

Чанакана, Маххулава и Меседо повели в соседнее со ставкой Тамерлана подземное помещение, защищённое от бурь и лавин. Каримбей рассказал путникам о горах

Киргизии и снежных бурях, бушующих в тех местах. Однако нигде войскам Тимура снежная стихия не нанесла такого урона, как на Харибском перевале, признался учёный-мирза. Несмотря на суровость и жестокость, Тимур ибн Тарагай Барлас иногда прислушивается к советам учёных, добавил Каримбей.

— Чанакан, я приглашаю вас в Самарканд, в столицу великой империи великого эмира Тимура ибн Тарагай Барласа, чтобы вы воочию убедились, что в нашем государстве процветает не только язык войны, военное искусство, но и язык науки, все сферы жизни, — сказал Каримбей.

— Мы не понимаем и не принимаем насилье и зло, насаждаемое вами в Стране гор. Быть может, поездка в Бухару и Самарканд позволят нам понять вашу культуру. Я согласен поехать в Самарканд, — ответил Чанакан.

Разные источники по-разному передают сказ о том, как учитель истории XXI века совершил путешествие в Бухару и Самарканд XIV столетия. Автору этой маленькой повести сам Чанакан поведал подробности удивительного перемещения во времени и пространстве. Может быть, когда-нибудь настанет время для описания и этих приключений.

Каримбей вышел из подземного помещения, в которое заточили трёх путников. Метель свирепствовала всё сильнее и сильнее. Шум бури был во много раз выше волчьего воя, он заглушал всё вокруг и витал над перевалом. У некоторых завоевателей барабанные перепонки не выдержали, хватчики оглохли и потеряли разум. Волны шума бури, голоса метели накрывали воинов Хромого Тамерлана, свист пурги, как свист орла и голос небес, парализовал хватчиков. Очередная лавина, сошедшая с вершины горы, унесла с собой на дно пропасти сотни завоевателей.

Пятая лавина.

Харибский перевал заговорил

Вдруг Харибский перевал... заговорил. Сжав каменные кулаки скал, гора пришла в

движение. Тамерлан и его воины встали как вкопанные, их лица побелели как саван.

Голосом, от которого скалы стали осыпаться и рушиться, Харибский перевал заговорил:

— Ле-е-е, хватчики, убийцы детей! Не оскверняйте меня своими зверствами! Я!!! Встряхну вас с себя, как пылинки! Моё снежное войско уничтожит вас за ваши преступления! Оставьте меня и Страну гор в мире! Горцы, живущие здесь, любят меня и свою родину больше своих жизней! Ради этих гор они жертвуют своими жизнями без колебания! На моих склонах они пасут овец! Они создали в горах террасные поля и сады — чудо цивилизации, подвиг человеческого труда, рукотворный памятник природы! Они бережно обрабатывают эти поля и сады, ежегодно удобряют их, очищают от сорняков! Они лечат мои раны — строят стены под оползнем, сажают деревья на скалах, чтобы укрепить их корнями. Они собирают камни, разбросанные по моему хребту, и строят из них сакли, башни, дороги! Я и вся Страна гор — земля горцев, живущих здесь! Горцы всегда защищают горы! Горы всегда защищают горцев! Если не хотите, чтобы вы все здесь погибли, возвращайтесь тем же путем, которым пришли сюда! Горы не потерпят убийц женщин и детей!

Новая лавина смела множество завоевателей, Тамерлан еле выжил в круговерти разразившейся стихии. Может быть, его спасло покровительство наукам и знаниям?

Харибский перевал бушевал, пока нога последнего хватчика не покинула гору. Тогда из-за туч выглянуло солнце и озарило Хариб. Горцы похоронили тела хватчиков. Они нашли здесь не славу, не добычу, а свои могилы. Земля Кавказа поглотила завоевателей.

До сих пор гора Хариб мрачнеет, когда к ней возвращаются воспоминания. Ведь, помимо того далекого 1396 года, Харибский перевал пережил немало суровых дней и годин, прошёл через много испытаний. Не все истории раскрыла новым поколениям гора Хариб. Перевал может вновь нарушить своё молчание. Он способен ещё о многом рассказать, как и другие горы, перевалы, скалы, камни, тропы, башни Страны гор.

Мурат Шахманов

Эпитафия. Омар-Гаджи Шахманову

Ты говорил: «Не умирают стоя!»
Неугомонный, ты не знал покоя,
Шутил, за сердце хрупкое хватаясь:
«Хорош тот конь, что стоя отдыхает!»

Ты отдал всё друзьям и Дагестану,
Фамилия осталась — Шахманов.
И я, чтобы носить её достойно,
Забыл о жизни лёгкой и спокойной.

Ты многое предвидел в этой жизни, —
Что связано с тобой, твоей Отчиной,
Но умер на ходу, в разгаре боя,
А говорил: «Не умирают стоя!»

Памятник

Надмогильный камень
я поставил маме.
Только не гранитный чёрный
и не белый мраморный,
а простой ракушник —
тот, который самый
хрупкий,
неподатливый,
со сколами и шрамами.

Надмогильный камень
я поставил маме,
выдолбил сначала имя,

а потом фамилию,
день рожденья...
смерти,
и букет с цветами —
восемь трубчатых бутонов
королевской лилии.

Тридцать лет минуло,
как стоит, незыблем,
камень тот, что я поставил
на могилке матери.
Он не покосился,
не покрылся инеем
чёрной плесени,
не треснул
вдоль по жиле ядерной.

И в тени под диким
древом альчовым
я не в первый раз подумал
пред надгробьем каменным:
как друг с другом схожи
простотой суровой
незабвенный образ мамы
и надгробный памятник.

Страницы прошлого лися

Страницы прошлого лися,
И вспоминая всё теперь,
Признаюсь честно — непростая
Сложилась жизни круговерть.

Мелькали друг за другом лица
В калейдоскопе лет и дней,
Но в разношерстной веренице
Врагов не рознил от друзей.

Увы, не теми восхищался,
Не в тех был по уши влюблён,
В угаре призрачного счастья
Казался явью даже сон.

Словам я верил, а поступков
Простейшей логике не внял,
Соблазну поддавался тупо,
И сам бездумно соблазнял.

Потом судьбой нещадно битый,
Стоял озябший на ветру,
Мои душевные обиды
Ни брат не разделил, ни друг.

Их равнодушием безлобным
Повергнутый в глубокий шок,
Я правды горькой, хоть и поздно,
Усвоил непростой урок.

Иллюзии давно забыты,
Что было — поросло травой.
Я там, где двух дают небитых
За битого, за одного.

Когда во мне угаснут чувства

Когда во мне угаснут чувства —
Любовь и ненависть, и стыд,
И сердце будет так же пусто,
Как дом, что брошен и забыт.

Когда исчезнут в жизни цели,
Забудутся, как сон, мечты,
Не сомневаясь, не колеблясь,
Решу идти путём простым.

Когда ничто не потревожит
Мертвецкий, тягостный покой,
И пустоту в душе умножит
День прожитый очередной.

Когда засну без мыслей, сразу —
Не потому, что в стельку пьян,
И встану рано, без приказа
Будильника... как истукан,

И в окоченевшем небе,
Зарю увидев, не замру...
Тогда судьбы приму я жребий —
Умру.

О, мама, как же много лет прошло

О, мама, как же много лет прошло
Со дня, когда я, рухнув на колени,
Уткнувшись в холм твоей могилки лбом,
Беззвучно плакал и просил прощенья.

Проходит жизнь, мне ныне столько ж лет,
Как и тебе — когда тебя не стало.
Любви твоей небесной тёплый свет —
Моей любви источник и начало.

Как странно, что с годами, чем взрослей
Становишься, из памяти уходят
Обид вчерашних горечь и страстей
Безумство, не оставившее всходов.

Не помню, чтоб ты на руки брала,
И баловала материнской лаской.
Откуда ж этот океан тепла,
В который я ныряю без опаски?

Всплывает чаще в памяти моей
Твой жертвенный, самозабвенный образ.
Нет чувства материнского сильней —
Я понял это, только слишком поздно.

В День Матери

В День Матери я сам с собою не в ладу,
Опять застряла боль в моей груди на вздохе,
И просится слеза, и слов я не найду,
Чтобы сказать о том, как мне без мамы плохо.

Дожив до зрелых лет и проблеска седин,
Признаюсь, не таясь, перед людьми и небом:
Не маменькин сынок и никогда им не был,
Но в сердце благодарном я всё же мамин сын.

Я не люблю большие города...

Я не люблю большие города.
Пусть хочется порой в них затеряться,
Как в джунглях, средь рекламных декораций,
Когда ни с кем не хочется встречаться,
А с тишиной душевная вражда.

Я не люблю большие города.
В их суетной толпе порой течение
Несёт тебя в неверном направлении,
И, не имея сил для противления,
Ошибки совершаешь иногда.

Я не люблю большие города
За то, что в них, как это ни нелепо,
Закрывшись у себя в квартирах-склепах,
Живут отдельно — каждый дом, как крепость,
В которой двери заперты всегда.

Я не люблю большие города.
Там смог, и небо видят, как сквозь призму,
И что ещё вредней для организма —
Болеют души вирусом цинизма,
А это, к сожаленью, навсегда.

Я не люблю большие города.
Здесь одиночество как безысходность,
И пусть ты прожил трижды превосходно —
Гарантий нет, что старости холодной
В твоей не будет жизни никогда.

Я не люблю большие города
За то, что в них в погоне за успехом,
Подчас ты вторишь собственному эху,
Не замечая пройденные вехи,
Теряя и мгновенья, и года.

Я не люблю большие города,
Души в них мало. Больше суета.

Я странной памятью живу...

Я странной памятью живу —
Плохое напрочь забываю
Про тех, с кем вижусь наяву,
Кого мне память воскрешает.

Творец создал нас для Добра,
Но в этой жизни всё так сложно —
Мы ошибаемся не раз,
Прельщаясь истиной подложной.

Творец создал нас для Любви.
Жаль, не на всех её хватает.
Вдохнёшь и скажешь: «Се ля ви!»,
Но чьё-то сердце замерзает.

Творец создал нас для Себя,
И был Он в этом безупречен.

Его созданья невлюбля,
Свою мы душу искалечим.

Я странной памятью живу,
Плохое напрочь забываю
Про тех, с кем вижусь наяву,
Кого мне память воскрешает.

Осень

Умчалось лето, схлынула жара
И солнце не печёт, а нежно греет.
Сгорает день быстрее, чем вчера
Но вечера прохладней и длиннее.

А ветер в небе гонит облака,
Сбивая в кучу серую перину.
Там солнце спит, сквозь сон его рука
Бросает луч в осеннюю картину.

Сменило море изумрудный цвет
И стало вдруг таинственно глубоким,
Лаская нежно каменный браслет,
Поют седые волны о высоком.

И нет душевней для меня поры.
Чарует осень зрелой красотой,
И нам приносит щедрые дары —
Плоды любви меж небом и землёю.

А за селом бескрайнее жнивье
Слезами неба до корней омыто,
Над ним кружится стая вороньё,
Потерянное подбирая жито.

Осенних сочных красок торжество
И тихое природы увяданье
В моей душе рождают волшебство,
Которому не просто дать названье.

На сердце вдохновения печать —
Наполненное радостью и грустью,
Оно таит и лёгкую печаль
По трепетным, давно угасшим чувствам.

Впадая в светлой грусти в забытье,
Я растворяюсь в осени палитре —
Так осень сердце трогает моё!
Так осенью душа моя открыта!

Соавтор — Лея Шах

